

Последние. Максим Горький gorkiуmaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiуmaxim.ru/> Приятного чтения!

Последние. Максим Горький

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

И в а н к о л о м и й ц е в .

я к о в - его брат.

С о ф ь я - жена Ивана.

А л е к с а н д р - 26 лет.

Н а д е ж д а - 23 года.

л ю б о в ь - 20 лет.

П ё т р - 18 лет.

В е р а - 16 лет.

Г - ж а С о к о л о в а .

Л е щ - муж Надежды.

я к о р е в - околоточный надзиратель.

Ф е д о с ь я - няня, очень старая, полуглухая.

Г о р н и ч н а я .

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Уютная комната; в левой стене - камин. У задней стены - ширмы, за ними видна односпальная кровать, покрытая красным одеялом, и узкая белая дверь. Большой книжный шкаф делит комнату на две части, правая больше левой. Шкаф обращён дверьми направо, спинка его завешена ковром, к ней прислонилось пианино; напротив - широкий тёмный диван и маленькое окно; в глубине этой комнаты дверь в столовую. Там светло. Если к пианино поставить стул - он закроет проход в столовую. У камина в глубоком кресле сидит Я к о в седой, кудрявый, бритый, лицо мягкое, читает книгу. Сзади кресла на письменном столе высокая лампа под абажуром из зелёной бумаги. У стола, тоже в кресле, сидит Ф е д о с ь я, в руках у неё длинное серое вязанье, на коленях большой клубок шерсти, она всё время что-то бормочет. В столовой бесшумно ходит, накрывая стол к обеду, Г о р н и ч н а я; там же С о ф ь я - она моложава, лицо бледное, глаза малоподвижны, всегда смотрят вдаль, пристально и тревожно. Я к о в мешает угли в камине, она прислушивается к шуму, медленно идёт в комнату Я к о в а, за шкафом нерешительно останавливается.

С о ф ь я. Я не помешаю?

я к о в. Конечно, нет! (Встречает её улыбкой.)

С о ф ь я. Мне казалось - ты занят...

я к о в (снимая пенснэ). Чем?

С о ф ь я. Я хочу спросить тебя, - госпожа Соколова, мать того, который стрелял в Ивана, просит принять её, - как ты думаешь, принять?

я к о в (нерешительно). Не знаю... Как мать, она имеет право на твоё внимание... хотя - зачем ей обращаться именно к тебе, а не к Ивану?

Ф е д о с ь я (тихо и не поднимая головы, бормочет). Ждём-пождём да опять пойдём...

С о ф ь я. Ты веришь, что стрелял этот?

Я к о в. Видишь ли – я думаю, террористы не лгут, заявляя, что он не принадлежит к их партии...

С о ф ь я. Мне тоже кажется...

Я к о в. Ты что не сядешь?

С о ф ь я (опуская голову). Не хочется...

Я к о в. У тебя утомлённое лицо.

С о ф ь я (негромко). Когда я сажусь – меня одолевает слабость. (Тише.) Извини, но я снова принуждена просить у тебя денег.

Я к о в (торопливо, сконфуженный). В левом ящике стола – пожалуйста! Верхний ящик, не заперто...

С о ф ь я. Как это тяжело – обирать тебя...

Я к о в. Э, полно, Соня...

Ф е д о с ь я (бормочет). Бери, бери у него деньги-то! Умрёт скоро.... куда ему!

(Из столовой идёт Любовь. Она горбата и – чтобы скрыть своё уродство всегда носит на плечах шаль или плед. Теперь на ней большая жёлтая шаль. Остановилась у пианино.)

С о ф ь я (задумчиво). Переехали мы в твой дом, а тебя, больного, загнали куда-то в угол...

Я к о в (смущённо). Полно, Соня...

С о ф ь я. Я взяла сто...

(Любовь ставит к пианино стул и тихо играет.)

Я к о в. Послушай, я хочу предложить тебе...

С о ф ь я. Мне нужно идти, после обеда скажешь – хорошо? (Идёт.)

Я к о в (берёт книгу). Когда хочешь...

Ф е д о с ь я (тихо напевает на мотив колыбельной песни). Эх, Яшенька, Яша. Горька судьба наша... (Дальше слова непонятны, но всё время старуха бормочет, точно баюкая ребёнка.)

С о ф ь я (останавливается перед дочерью, не замечающей её, ждёт несколько секунд). Пусти меня, Люба.

Л ю б о в ь. Я уже мешаю?

С о ф ь я. Но как же пройти?

Л ю б о в ь. Мама, где я могла бы не мешать никому?

С о ф ь я (ставит ногу на диван и так обходит стул дочери). Ну, не злись...

Л ю б о в ь (вскакивая). Ты прыгаешь, чтобы потом получить право упрекнуть меня за свой прыжок?

С о ф ь я (уходя, тихо). В чём, когда я упрекаю тебя...

(Любовь встаёт и входит в комнату Якова.)

Я к о в (тихо). Как ты легко раздражаешься...

Л ю б о в ь (спокойно). Это все говорят. Все жалуются на меня, точно я зимний холод или осенний дождь...

Ф е д о с ь я (поёт). А вот пришла Люба... А чего ей надо...

Л ю б о в ь (громко). Перестань, няня!

Ф е д о с ь я. Чего? (Чешет спицей голову и улыбается, глядя на Любовь.)

Я к о в. Ты преувеличиваешь, Люба...

Л ю б о в ь. Холод и слякоть осени тоже нечто преувеличенное, ненужное, враждебное людям... Скажи, сколько мама взяла денег?

Я к о в. Сто рублей... А что тебе?

Л ю б о в ь. Почему ты не хочешь дать сразу много, чтобы ей не просить часто? Ведь это унижительно – просить, разве ты не понимаешь?

Я к о в (смущён). Ах, боже мой! Конечно, понимаю. Я и хотел сейчас предложить ей...

Л ю б о в ь (как бы напоминая). Ведь ты богат...

Я к о в (улыбаясь). Был. Алюминий разорил меня...

Л ю б о в ь. Зачем тебе понадобился этот алюминий?

Я к о в (виновато). Я думал, видишь ли, что было бы хорошо, если бы люди получили красивый металл. Железо – тяжело и мрачно, медь – такая жирная всегда...

Л ю б о в ь (вздыхнув). Какой ты смешной!

Ф е д о с ь я. О, господи, господи... помилуй нас, грешников...

Л ю б о в ь. Ты часто ошибался?

Я к о в (усмехаясь). Необходимо, должно быть, чтобы иные люди делали ошибки...

Л ю б о в ь (заглядывая ему в лицо). Я знаю одну твою ошибку.

Я к о в (беспокойно). Да?

Л ю б о в ь. Ты должен был жениться на маме...

Я к о в (испуган). Люба!.. Это слишком сложно для тебя, пожалуй! Я не решился бы так говорить об этом на твоём месте.

Л ю б о в ь. А где оно – моё место?

Я к о в (опуская голову). Странно ты говоришь, право...

Л ю б о в ь (настойчиво). Почему я никогда не могу рассердить тебя? Я всех могу вывести из себя, а тебя – нет! Почему?

Я к о в. Бог мой, я не знаю...

Л ю б о в ь. Маме было бы лучше с тобой, чем с отцом, который пьёт, играет...

Я к о в. Милая Люба, зачем ты так говоришь?

Л ю б о в ь. Народил больных и глупых детей и вот оставил их теперь нищими на шее мамы...

Ф е д о с ь я (уловив слово "нищие", поёт). Нищая братия, богова забавушка...

Я к о в. Так нельзя говорить об отце! Няня, молчи, пожалуйста!

Ф е д о с ь я. Ась?

Л ю б о в ь. Почему? Мне не нравится быть дочерью человека, который приказывает убивать людей...

Я к о в (тоскливо). Как резко, Люба...

Л ю б о в ь. И бегаает, как трус, когда в него стреляют за это...

Я к о в. Он старый, нездоровый человек, уставший...

Л ю б о в ь. Разве болезнь оправдывает? Ведь он болен оттого, что много кутил.

Я к о в (неприятно поражённый). Откуда ты знаешь?

Л ю б о в ь. Это говорит доктор Лещ. Он тебе нравится?

Я к о в (возится в кресле). Твои слова могут услышать...

Л ю б о в ь. Доктор Лещ... Тюремный врач... Какая честь быть в родстве с таким... Ты что - хочешь в столовую?

Я к о в. Я не могу больше слушать...

Л ю б о в ь (пожимая плечами). Сиди... Куда тебе с твоим сердцем! А-а, вот пришли любимчики... твои, мамыны, всего света.

Я к о в. Но ведь и твои...

Л ю б о в ь (задумчиво). Любовь к жалкому - это, я думаю, нездоровая любовь...

Я к о в. Ты даже себе самой говоришь колкости!

В е р а (из столовой, за нею Пётр). Дядя!

Ф е д о с ь я (громко). А вот мои последние... детки мои последние... (Перестает вязать и смотрит на всех с улыбкою на тёмном лице.)

В е р а. С каким интересным человеком мы познакомились!

Я к о в. Это ты всё время катался на коньках, Пётр? Смотри, тебе вредно!

П ё т р (задумчиво). Пустяки!

В е р а. Понимаешь, к нам на улице привязались какие-то трое наверное, из чёрных сотен...

П ё т р. Три пьяных идиота - идут за нами и говорят гнусные вещи...

В е р а. Я им крикнула: мы дети Коломийцева...

Л ю б о в ь. На колени! Шапки долой...

(Пётр исподлобья смотрит на Любовь.)

В е р а (Любови). Мы испугались, нужно же было сказать им, кто мы!..

Л ю б о в ь (с улыбкой). А они, узнав это, начали ругаться ещё сильнее, да?

П ё т р (подозрительно). Почему ты знаешь?

В е р а. Да, Люба, это верно! Я не понимаю - как же? Ведь они должны уважать властей? Это революционеры обязаны не уважать, а они - почему?

Я к о в (поучительно, но мягко). В России никто никого не уважает...

Л ю б о в ь. Что же дальше?

В е р а. Вдруг навстречу нам идёт молодой человек, уже хотела ударить одного из них коньками, того, который был ближе, но этот человек...

П ё т р (усмехаясь). Верка действительно хотела драться...

В е р а. Этот господин крикнул им – прочь! (Федосья чему-то беззвучно смеётся) Они зарычали и – на него! Вот было страшно! Тут он вынул револьвер... (Смеётся.) Как они побежали!

Ф е д о с ь я (вслушивается, смеётся). Ах вы, мои милые, ах, весёлые...

П ё т р. Ломаными линиями, чтобы не попала пуля.

Л ю б о в ь (негромко). Вот так же бежал отец, когда в него стреляли...

В е р а. Что?

Л ю б о в ь. Наверное, так же...

П ё т р (строго). Зачем ты это сказала?

Л ю б о в ь. Просто так...

В е р а. Что такое она сказала?

П ё т р. Ничего... Продолжай!

В е р а. Он очень красивый...

П ё т р (задумчиво). Хороший голос и такая простая речь...

В е р а. Брюнет, с острой бородкой, – мечтательные глаза... Я думаю он пишет стихи...

Л ю б о в ь. А твой револьвер, Пётр?

П ё т р (хмурясь). Не буду я таскать его с собой... Я не люблю таких вещей...

В е р а. Он – трусишка!

Я к о в. Вот что, дети, давайте скроем от мамы этот случай, чтобы не волновать её...

В е р а (разочарованно). Да? Я бы хотела рассказать и ей!

Я к о в. Потом, после – хорошо?

В е р а. Да...

П ё т р (задумчиво). Мы с ним долго гуляли... Мне хотелось пригласить его к нам...

В е р а. Вот хорошо, Петька!

Л ю б о в ь. Ты думаешь, он пришёл бы?

П ё т р. А почему нет?

Н а д е ж д а (входит). Зачем это все набились сюда? Они тебе мешают, дядя?

Я к о в. Нисколько! Ведь каждый день перед обедом все сходятся ко мне...

Н а д е ж д а. Знаете, этот мерзавец, который стрелял в папу, заболел.

(Все смотрят на неё, становится тихо.)

Н а д е ж д а. Муж говорит, что он не притворяется.

Пётр (беспокойно). Почему его так долго не судят?

Надежда. Он всё ещё не сознаётся...

Пётр. Мне кажется, что он где-то близко...

Вера. Что такое?

Любовь. Где же?

Пётр. Тут... за дверьми...

Надежда. Какой вздор!

Пётр. Стоит и ждёт, чтобы его простили...

Надежда. Не глуп, однако...

Софья (входит. Тревожно). Кто ждёт прощения?

Надежда. А этот, который стрелял в отца...

Софья (оглядывая всех). Кто это знает?

Яков (успокаивая). Это Пётр сказал, Соня! Ему кажется, что этот человек где-то около нас и ждёт, чтобы мы ему простили.

Софья (странным тоном). Революционеры считают себя правыми...

Любовь. Как все властолюбцы...

(Пётр незаметно уходит. Вере скучно, она стоит сзади кресла няньки, прикрепляя ей на голову бумажные цветы с абажура лампы. Любовь смотрит на всех из угла неподвижным взглядом. Надежда всё время охорашивается, тихонько напевая.)

Любовь (серьёзно, вере). Цветы ей не идут.

Вера. Разве?

Софья. А где Александр? И Павел Дмитриевич?

Надежда. Муж только что пришёл, переодевается. Это он сказал, что убийца заболел...

Софья (тревожно). Заболел? Чем?

Надежда. Сходит с ума, кажется. (С иронией.) Тебе его жалко, мама?

Софья. Я не сказала этого...

Любовь (усмехаясь). Потому что боишься?

Надежда. Эта мама становится какой-то чудачкой!

Вера. Не обижайте её, а то она не купит мне новые коньки.

Любовь (матери). Скажи, ведь тебе его жалко?

Софья. Мне надоело всё это злое. Тюрьмы, суды, казни – противны.

Яков (вздыхая). С каждым днём их всё больше...

Надежда. Это необходимо, чтобы люди могли жить спокойно.

Любовь. Даже индусы перестают верить, что покой есть счастье...

Софья (неожиданно для всех). Террористы заявили, что он не участвовал в

покушении.

(Все смотрят на неё. Любовь стоит, закрыв глаза книгой, и через неё смотрит на всех подстерегающими глазами.)

Н а д е ж д а (не сразу). Разве можно верить революционерам? Как это наивно, мама!

(Виновато улыбнувшись, Софья садится на стул и как бы вдруг стареет, мякнет, опускает голову.)

А л е к с а н д р (в столовой, кричит). Послушайте, эй! Почта была?

Н а д е ж д а. На этажерке в гостиной лежит письмо тебе... Вера, иди причешись, ты ужасно растрёпана.

В е р а. Ой, мне не хочется!

Н а д е ж д а. Ну, не кривляйся. (Ведёт её за собой.) Ты становишься небрежной; имей в виду, что мужчины терпеть этого не могут...

В е р а. Господи! Опять мужчины! Маленькую меня пугали чертями, выросла – пугают мужчинами...

я к о в (тихо). Что с тобой, Соня?

С о ф ь я (вздрагнув). А? Я задумалась...

А л е к с а н д р. Обед скоро?

С о ф ь я да... сейчас...

А л е к с а н д р (идёт, насвистывая). Маленький митинг? По вопросу о финансах, или – внутренняя политика, а?

Л ю б о в ь. Как это остроумно!

А л е к с а н д р. Как ты горбата!

С о ф ь я (укоряя). Александр!

А л е к с а н д р (не глядя на мать). Mon cher oncle (мой дорогой дядюшка – Ред.), как здоровье ваших ножек?

Л ю б о в ь (уходя в дверь за ширмой). Выгони его, мама!

А л е к с а н д р (прищуриваясь). Э? Что я слышал? Оскорбила и спряталась, точно жидёнок-революционер.

С о ф ь я (просит). В самом деле, Александр, иди в столовую.

А л е к с а н д р. Да, татап? Вы – командуете?

С о ф ь я (печально). На тебя неприятно смотреть...

А л е к с а н д р. Нет, что я слышу? Вы, татап, кажется, наконец, хотите заняться моим воспитанием?

я к о в. Довольно, Александр! Как ты можешь?

А л е к с а н д р. Bien... (Хорошо... (франц.) – Ред.) Я имею маленькое дело к тебе, дядя.

С о ф ь я. Он не даст денег.

А л е к с а н д р. Вы это знаете наверное?

С о ф ь я. Я просила его не давать.

А л е к с а н д р. Да, дядя? Она просила?

Я к о в. Конечно, если она говорит.

А л е к с а н д р (злится). Вот рыцарский ответ! "конечно, если она говорит!" я это запомню. Но – что же вы, дядя? Как вы отнеслись к её просьбе?

Я к о в (смущённо). Я? Я дал слово, что исполню её просьбу.

А л е к с а н д р. Весьма похвально!

Я к о в (мягко). Ты извини меня, Саша, но такая жизнь, как твоя... эти ночные кутежи...

А л е к с а н д р. Кто же устраивает кутежи днём?

С о ф ь я. Ты посмотри, какое у тебя лицо. И ты уже лысеешь...

А л е к с а н д р. Лицо энергичного человека, а лысина придаёт ему солидность. Я бледен, потому что утомлён ежедневными поисками куска хлеба... Мои родители произвели меня на свет, но не позаботились обеспечить средствами для приличной жизни...

С о ф ь я (тихо). Я прошу тебя перестать...

А л е к с а н д р. Почтенный папаша много брал взяток в городе, но мало в клубе за карточным столом...

Я к о в (тоскливо). Какой цинизм, Саша...

С о ф ь я (спокойно и убито). Ты понимаешь, что говоришь?

А л е к с а н д р. Вполне. И вот, благодаря неудачной игре отца, я оказался в полном проигрыше.

Я к о в. Ужасно, Александр, ужасно! Будь милосерден, уйди. За что ты мучаешь мать?

А л е к с а н д р. Cher once, двадцать пять рублей, и – я уйду!

Я к о в. Возьми, пожалуйста... на столе под прессом. Но – я спрашиваю – неужели тебе не жалко мать?

А л е к с а н д р (искренно). А кто пожалеет распутного молодого человека – кандидата в помощники полицейского пристава? Мне предстоит бить морды человеческие, брать взятки понемногу и – получить в живот пулю революционера... Как вам нравится эта блестящая карьера? (Насильственно смеясь, уходит.)

Я к о в (не сразу). Как он похож на своего отца!

С о ф ь я. Я не знаю, как надо говорить с ним, что сказать ему! Зачем ты дал ему денег? Он снова будет пить всю ночь.

Я к о в. Но что же делать? Надо же было, чтобы он ушёл!

С о ф ь я. Мы тебя ограбим, Яков... Зачем ты с нами?

Я к о в. Оставь, дорогая Соня. Я хочу быть полезен тебе и сумею, ты увидишь! Вот приедет Иван...

С о ф ь я. Твоих денег ненадолго хватит...

Я к о в. Но разве только деньги, Соня...

С о ф ь я. Нам ничего не нужно, кроме денег...

Ф е д о с ь я. Сонюшка, Андрюша-то Рязанов – жив ли?

С о ф ь я (громко). Умер, няня. Я тебе говорила.

Ф е д о с ь я (качая головой). Да, да... Застрелили его... да...

С о ф ь я (равнодушно). Это Бородулина застрелили...

Ф е д о с ь я. Да, помню, помню... Андрюша-то... тоже мой выкормок... Много их...

С о ф ь я (взглянув на старуху). Ты знаешь, что Рязанов сёк крестьян в её деревне... может быть, родственников своей няньки.

Я к о в. Почему ты говоришь об этом?

С о ф ь я. Не знаю... Так...

Ф е д о с ь я. Да... мно-ого!

Я к о в (тихо просит). Я хочу поговорить с тобой о Любе. Можно?

С о ф ь я (подозрительно). Что такое?

Я к о в. Мне кажется, она что-то чувствует... чего-то ищет...

С о ф ь я. Все теперь чего-то ищут.

Я к о в. С нею обращаются грубо...

С о ф ь я. Я?

Я к о в. О, нет, конечно! Ты только... менее внимательна с ней...

С о ф ь я. Она тоже нехорошо относится ко мне... Впрочем, она со всеми одинакова...

Я к о в (тихо, намекая). Кроме меня, Соня...

С о ф ь я (помолчав). Нет! Она не может знать! (С силою.) И – не должна знать, Яков! (Порывисто, тихо.) Я мучительно люблю это несчастное существо, я люблю... Но моя любовь – трусливое чувство виноватой; я боюсь, что вскроется моя вина перед нею, и – люблю её издали, смею подойти к ней, говорить с нею...

Я к о в. Это напрасно, Соня. Скажи ей, скажи...

С о ф ь я. Не могу...

Я к о в. Потом, не сейчас, но – скажи!.. Теперь ты слишком мрачно настроена... это проклятое, безумное время подавляет тебя...

С о ф ь я. Я тоже ищу. Я хочу понять, что мне делать? Ведь дети мои погибают, Яков! Я спрашиваю себя: где ты была до этой поры? Чем вооружила детей для страшной жизни?

Я к о в. Голубушка – спокойнее! Кто же знал...

С о ф ь я. Я спокойна – господи боже мой! Я всё думаю, думаю, но я спокойна!

Я к о в. Нет, Соня! Это глупое покушение на жизнь Ивана и затем его отставка ошеломили тебя, ты растерялась – понятно! И к тому же дикий вой газет... они клеветуют, сочиняют...

С о ф ь я. Ты говоришь по совести – они клеветуют?

Я к о в (не глядя на неё). Они преувеличивают... Иван, конечно, не очень... он слишком...

С о ф ь я. Нет, будем правдивы. Мы знаем, что газеты не клеветуют...

Я к о в. Ах, Соня... Это, должно быть, страшно трудно – остаться честным, имея пятерых детей...

С о ф ь я. Не говори так! Ты сам себе не веришь...

Я к о в (сконфужен). Всё против человека в нашем обществе, вот что я хотел сказать! Невозможно быть самим собой...

С о ф ь я (всё время ходит по комнате, сняла цветы с головы няньки, бросила их в угол). Человека, имеющего пятерых детей, мы знаем лучше газет. Нам известно, что этот человек кутила и развратник; он устроил игорный дом рядом с комнатами, где спали его дети. Какие женщины бывали у него! Он оскорблял свою жену непрерывно десять лет – сколько любовниц имел он! Разве не он развратил Александра? А почему я не умела помешать этому? Он пьяный уронил Любу на пол, сделал её уродом – как я могла допустить? Поздно думать об этом? Поздно, да, я знаю...

Я к о в (качая головой). Как ты ошиблась однажды...

С о ф ь я. Я это знаю... Ты – мягок... да, с тобой было бы спокойнее жить... Ты честный человек. Мне было тридцать пять лет, когда я догадалась об этом, а Любе уж было десять. Десять лет я не думала о тебе... забыла про тебя и вспомнила в год, когда Иван, помещик, дворянин, – пошёл служить в полицию. Ты застрелился бы, но – не пошёл! И вот десять лет пытки и унижений и для меня и для него... Как он быстро развратился, прогнил... Когда в него стреляли – мне стало жалко его, я готова была простить ему всё, что можно... Но он вёл себя так унизительно, трусливо...

(Из столовой идёт доктор Лещ, человек средних лет, с больным жёлтым лицом. Он шагает осторожно, прислушивается, предупредительно кашляет.)

Л е щ. Если помешал – приношу извинения! Вам сказала Надя о том, что подозреваемый в покушении заболел?

С о ф ь я. А зачем я должна знать это?

Л е щ (поучительно). Человек этот не может быть безразличен для вас; странно вы говорите! Вы непосредственно заинтересованы в том, чтобы он понёс должное наказание, – как же иначе? (Считает пульс Якова, глядя в потолок.) Как спали?

Я к о в. Плохо.

Л е щ. А сердце?

Я к о в. Замирает...

С о ф ь я. Он не сознаётся?

Л е щ. Нет! Аппетит?

Я к о в. Плохой. Ванны меня ослабляют...

Л е щ. Я это предвидел, разумеется.

С о ф ь я. Может быть, действительно не он стрелял?

Л е щ. Не знаю. Меня это не касается. Ванны надо продолжать.

Ф е д о с ь я (улыбаясь). Доктор, полечил бы ты меня, а? Полечи-ка! (Тихонько смеётся, точно торжествуя.)

Л е щ (солидно). Далее – Александр может получить должность помощника пристава, но это будет стоить пятьсот рублей.

С о ф ь я. Надо дать взятку?

Л е щ. А как же? Разумеется.

С о ф ь я. У нас нет денег.

Л е щ. Несомненно. Но я думаю, дядя Яков понимает насущную необходимость всей семьи...

С о ф ь я. У него тоже нет денег...

Л е щ (пристально глядя на неё). Сенсационно. И – странный тон – как будто эту взятку требую у вас я сам!

Я к о в (торопливо). Это не совсем верно, Соня, я могу дать пятьсот...

С о ф ь я (зятю). Вам кажется, что Александр будет на месте в полиции?

Л е щ. Я, как вам известно, человек правдивый, и скажу прямо: полиция – это единственное учреждение, где ваш сын может служить. Я отношусь к нему отрицательно и не скрываю этого даже от него. Разумеется, в нём есть и добрые чувства, но в общем – это анархист, человек, лишённый внутренней дисциплины, существо с расшатанной волей... недоучившийся юнкер...

С о ф ь я. Когда вы осуждаете людей, вы говорите охотно, но ужасно длинно.

Л е щ (любезно). Тут виновато обилие недостатков в людях...

С о ф ь я (Якову). Мне не хочется, чтобы Александр служил в полиции...

Я к о в (бормочет). Что же делать?..

Л е щ. Не вижу, где бы он мог служить кроме, положительно не вижу. У него есть некоторая военная выправка, он был вольноопределяющимся, имеет какой-то чин. Я думаю, он будет недурным полицейским... для провинции, разумеется!

Я к о в (осторожно). Главное, Соня, он уйдёт из дома, и дети избавятся от его влияния... Ты позволь мне дать эти деньги...

С о ф ь я (пожимает плечами). Я не понимаю, что надо делать.

Я к о в. Деньги – кому?

Л е щ. Я дал слово, что не назову имени лица, которое желает получить деньги.

Я к о в (смущённо). Конечно... понимаю...

Л е щ. Не очень приятное поручение давать взятки... Что, скоро обед?

С о ф ь я. Идёмте. (Помогая Якову встать.) Вот я и продала сына...

Л е щ (наставительно). Продавая – получают деньги...

С о ф ь я. На душе у меня – нехорошо...

Я к о в (тяжело двигая ногами). Что делать! Без взяток не работает машина нашей жизни...

Л е щ (идя за ними). Без денег – невозможна личная независимость...

(Из столовой навстречу им идёт надежда.)

Л е щ. Ты что?

Н а д е ж д а. На минуту, Павел... (Ведёт его назад в комнату Якова. Тихо.) Получил?

Л е щ (недовольно). Как это неосторожно и некорректно... точно я спрячу эти деньги от тебя, фу!

Н а д е ж д а (целуя его). Милый Пашка, не сердись! Пятьсот! да? А ты получишь – двести?

Л е щ. Тише!

Н а д е ж д а. И купишь мне крест из гранат, помнишь, ты обещал? Ты должен подарить мне этот крест: ведь план – мой!

Л е щ. Я, разумеется, сдержу слово! Идём же! Там сядут за стол... Что за шум?

(Прислушиваются.)

Н а д е ж д а (удивлённо). Приехал отец!

Л е щ. Гм... неожиданно!

И в а н (в столовой). Почему меня никто не встретил?

С о ф ь я. Кто же знал, что ты приедешь сегодня...

И в а н. Но я послал вам телеграмму!

С о ф ь я. Не кричи...

Л е щ. Подождём здесь, пока он остынет.

Н а д е ж д а (вздыхая). Ах, этот комик папка!

И в а н (в дверях столовой). Вы боитесь проехать по улице рядом с человеком, которого злодеи осудили на смерть, хотя человек этот ваш отец, да?

С о ф ь я. Садись, ешь, Иван...

И в а н (идёт в комнату Якова). Я не хочу ваших объедков! Надежда, почему меня никто не встретил?

Н а д е ж д а. Мы не знали!

И в а н. Неправда! А, господа! Я понимаю вас! С того дня, как я не служу, – цена мне упала в ваших глазах...

Л е щ. Вы бы поздоровались прежде...

И в а н. Что? Здравствуйте...

Л е щ. Преступник, который...

И в а н. Который поднял безумную руку на меня, – что он?

Л е щ. Заболел острым расстройством нервов...

И в а н. Это его не оправдывает, нет, шалишь!

Л е щ. Ну, да, но его нельзя судить...

И в а н. Почему? (Он опускается на диван. В дверях столовой стоят Пётр, Вера, Софья, потом Александр. Из двери за ширмами в комнату Якова входит Любовь, останавливается у кресла няни, задумчиво гладит рукой её щёку, старуха что-то бормочет, тихонько смеётся, кивая головой. Лещ и Надежда около Ивана. В столовой – горничная.) Это поразительно! За то, что я не позволил застрелить себя – меня бесчестят газеты и даже принуждают уйти со службы... а извергам, убийцам – мирволят, потому что у них, видите ли, слабые нервы! И называют это – конституцией! Как жить, спрашиваю я вас, как жить?

С о ф ь я (уходя в столовую). Садитесь за стол!

И в а н. Разве пойдёт мне кусок в горло!

А л е к с а н д р. А ты выпей водки, и он пойдёт.

Последние. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

И в а н. Почему ты не встретил меня на вокзале?

А л е к с а н д р. Ну, брось это!

И в а н (почти искренно). Нет, мне обидно... Разве я не заслужил вашего внимания, дети, а?

я к о в (из столовой). Да перестань же, Иван...

Л ю б о в ь (подходит к отцу, холодно). Вы скоро кончите эту жалкую сцену?

И в а н (встаёт). Жалкую? (ко всем.) Так она говорит об отце своём, который на службе престолу и порядку...

Л ю б о в ь (спокойно). Пропустите меня, я хочу есть...

И в а н. Чей хлеб ты идёшь есть, горбатая дрянь?

я к о в (кричит). Иван! Ах, боже мой...

Л ю б о в ь (спокойно, громко). Я буду есть хлеб вашего брата.

С о ф ь я. Иван, ты бы постыдился хоть горничной...

И в а н (оглядываясь). Как? Что такое?

Л ю б о в ь. Вы не смеете говорить мне грубости...

И в а н (растерянно оглядываясь). Это – это новость...

я к о в (поддерживаемый под руку Петром, взволнованный, тихо). Что вы? Вы с ума сошли! Иван!.. Иди... иди!

И в а н (уходя). Я не буду есть, если она сядет за один стол со мной...

(Все идут за ним; Яков, Пётр и Любовь остаются одни.)

я к о в (тихо). Что с тобой, Люба?

Л ю б о в ь (тихо). А как ты думаешь? (Под её взглядом он наклоняет голову. Пётр подозрительно смотрит на них.)

И в а н (в столовой, горестно). Откуда мог явиться в моей семье этот злой дух вражды?

А л е к с а н д р. Твоё здоровье, папа!

(Яков и Пётр молча идут к столу. Любовь осталась одна, оглядывается, кутаясь в свою шаль.)

Ф е д о с ь я (наклоняясь в кресле, смотрит на неё с улыбкой, манит к себе и шепчет). Поди сюда, Любушка, поди сюда... Что он кричит, воевало-то наш?

Л е щ (в столовой). С приездом... и за осуществление всех желаний нашей тесной семьи!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Часть столовой – скучный угол со старинными часами на стене. Солидный буфет и большой стол, уходящий наполовину за пределы сцены. Широкая арка, занавешенная тёмной драпировкой, отделяет столовую от гостиной; гостиная глубже столовой, тесно заставлена старой мебелью. В правом углу горит небольшая электрическая лампа; под нею на кушетке в е р а с книгой в руках. Между стульев ходит П ё т р, точно ищет чего-то. В глубине у окна Л ю б о в ь, она встала коленями на стул, держится за спинку и смотрит в окно.

Пётр (тихо, упрямо). Мне нужно знать правду...

Любовь (оборачиваясь к нему). Ты не рассказывай маме о твоей ссоре.

Пётр (подозрительно). Почему?

Вера (с досадой). Как ты мне мешаешь, Петька!

Любовь. Зачем волновать её?

Пётр (упрямо). А если он был прав, Максимов-то?

Вера (горячо, упрекая). Как тебе не стыдно, Пётр! Ты не смеешь думать о папе скверно!

Пётр (задумчиво). Молчи, Верка, ты глупая...

Вера. А ты – зазнаёшься...

Пётр (настойчиво). Почему ты не отвечаешь, Любовь?

Вера. Познакомился с интересным человеком и задираешь нос...

Любовь (сходит со стула). Что я тебе отвечу!

Пётр. Ты старшая, ты должна знать... Он кричал, что папа взяточник и трус, и...

Вера (вскакивая). Не смей повторять при мне эти гнусности, а то я скажу маме...

Пётр (пытливо смотрит на неё). Иди, скажи! Ну?

Вера (бежит). И пойду! Думаешь – нет?

Любовь (обеспокоена). Вера, не надо! Это – плохо, Пётр!

Пётр. Да, плохо, когда про отца так говорят... Любовь, правда, что он приказал избить арестованных и двое умерли? И что этого не нужно было делать?.. Правда?

Любовь (не вдруг). Послушай, Пётр, я не уверена, что нужно говорить правду...

Пётр. Мне?

Любовь. Всем здесь...

Пётр. Почему?

Любовь. Мне кажется – это бесполезно.

Пётр (недоверчиво). Правда – бесполезна! Не понимаю...

Любовь. Если ты станешь сеять хлеб на болоте – разве он созреет?

Пётр (подумав, обиженно). Ага, ты считаешь меня ничтожеством, да? Ты – злая, ты злишься на весь мир за свой горб...

Любовь (усмехаясь). Если бы тебе сказал правду красивый человек красивыми словами – ты, может быть, поверил бы ему, а мне ты не поверишь я горбата. Кассандра, наверное, была уродом, вот почему ей не поверили...

Пётр (вдумчиво). Не путай, это не нужно мне. Все равно я узнаю. (Помолчав, печально.) И прости меня... мне – нехорошо... я тоже злюсь...

Любовь (тихо). Тебя – жалко.

Последние. Максим Горький gorkiytext.ru

Пётр (угрюмо). Но я... не хочу лгать - мне, кажется, никого не жалко! (Идёт.)

Любовь (серьёзно). Ты думаешь, молчание ложь?

Пётр. А что же? Конечно - ложь.

(Любовь стоит среди комнаты, лицо у неё суровое, брови нахмурены. По столовой идёт Надежда в капоте, с распущенными волосами.)

Надежда. Верка здесь? Вот дрянь девчонка - растаскала все мои шпильки. Что это у тебя такое свиное лицо?

Любовь. Да?

Надежда. Мне страшно подумать, что будет из этой Верки! По-моему, она опасная девочка, так своенравна. Не понимаю, чего смотрит мама. И ты тоже становишься какой-то ненормальной. Впрочем, ты всегда такая была. Ты ничего не делаешь, это вредно! Вот помогала бы маме следить за Верой, право, это нужно...

Любовь. Отец лёг спать?

Надежда. Как всегда. А я начала одеваться на вечер к прокурору, да рано ещё.

Любовь (улыбаясь, осматривает её). Тебе не скучно жить, Надя?

Надежда. Н-но! С таким красивым телом, как моё? Скучают только ненормальные люди.

Любовь. Это говорит твой лещ?

Надежда. У меня есть свой язык.

Любовь. А - мысли?

Надежда. Не трудись напрасно, меня не уколешь... Ага, вот Верка! Ну, я ей покажу, как хватать чужие вещи.

(Надежда быстро уходит. Из двери справа идёт Федосья.)

Федосья. Любушка, милая! Александр, озорник, вязанье у меня спрятал куда-то, - поискала бы ты...

Любовь (берёт с дивана вязанье и даёт няньке). Вот оно.

Федосья. Ишь, бездельник. Нянчила, гадала - богатырь растёт, вынянчила - миру захребетника... Вот так-то и все мы, няньки. Ещё ладно, когда дурака вынянчишь, а то всё жулики.

Любовь (усмехаясь). Это верно, няня, не удались тебе питомцы... не удались.

Федосья. Ась? (Оглядывается, садится у стола, распутывая своё вязанье, и, как всегда, что-то шепчет. По столовой, разговаривая, проходят Пётр и Софья, потом Софья садится на кушетку, Пётр на пол, к её ногам. Затем вбегает Вера, садится рядом с матерью, поправляя растрёпанную причёску.)

Пётр (задумчиво). Мы пили чай, и он говорил, что настанет время, когда люди будут летать по воздуху так же легко и просто, как теперь ездят на велосипедах...

Софья. А о политике вы с ним не говорили?

Пётр. И о политике. Он обо всём говорит удивительно интересно.

Софья (настойчиво). А что он говорил о политике?

Любовь (иронически). Эх, мама, мама! Жена полицеймейстера.

Последние. Максим Горький gorkiytext.ru

Пётр (вспоминая). Я позабыл... Это тоже было хорошо. У него такие умные глаза. Но, мне кажется, он не жалеет людей – он сказал: погибнут сотни сильных, тысячи слабых...

Софья (тревожно). Отчего – погибнут?

Пётр (улыбаясь). Не помню... или, скорее, не понял я...

Софья (осторожно). Тебе не кажется, что он – революционер?

Пётр (протестуя). Нет, мама, что ты!

Софья (вздыхнув). Они хитрые, Петя...

Вера (матери). Ты поругала Петьку?

Софья (торопливо). Да, да... Ну, рассказывай...

Пётр. Потом пришла барышня, Наталья Михайловна, и стала говорить о книгах...

Вера (ласкаясь). Мама,пусти меня к нему! Ведь вот у него бывают барышни...

Софья. Это неудобно. Я не знаю его.

Любовь. А ты находишь удобным для Веры знакомство с Якоревым?

Софья. Якорева знает отец...

Любовь. Разве это делает его приличнее?

Софья. Подожди, Люба... (Пётру.) Он знает, что ты сын Коломийцева?

Пётр (не сразу). Ну, конечно! (Встаёт, отходит прочь, сердито бормочет.) Сын Коломийцева... Ты говоришь об этом, как о заразной болезни...

Вера. Слышишь, мама? Вот дрянь Петька!.. Мама, пригласи его к нам, хорошо?

Софья. Я подумаю.

Вера. Ах, господи, у нас так скучно! Ходят одни полицейские, притворяются военными...

(Иван вошёл в столовую, заложил руки за спину, посмотрел на часы и погрозил им пальцем. Открыл буфет, налил вина, выпил, покачал головой и, расправляя усы, заглянул в гостиную.)

Федосья. Софьюшка, ты бы женила Александра-то! Верочке замуж пора... Детей-то сколько будет, а? (Беззвучно смеётся.)

(Пётр остановился перед ней, смотрит хмуро.)

Иван. Тут есть кто-нибудь?

Софья. Дети.

Иван. А ты?

Софья. Что я?

Иван. Ты с ними?

Софья. Ну да...

Иван. Так ты должна была сказать: я и дети. Почему так темно? Вы знаете, что я люблю свет, огонь!

Федосья (бормочет). В поле выехали, горе выманили, а огнём его печь, остры саблями сечь...

(Пётр зажигает все лампы; Софья смотрит печально, Вера робко, Любовь насмешливо.)

И в а н (медленно шагает по комнате и важно жестикулирует). Вынужденное безделье утомляет того, кто привык видеть вокруг себя людей, занятых серьёзным государственным делом. Ты почему не учишь уроки, Пётр?

П ё т р (внимательно рассматривая отца). Я уже кончил.

И в а н. Вероятно, врёшь. А завтра тебя, как болвана, оставят без обеда в классе, и отец будет страдать от стыда. Меня удивляет, как вы живёте, – никто ничего не делает.

Л ю б о в ь. Научи нас работать.

И в а н. Х-хе! Работать! Что ты можешь?

Л ю б о в ь (спокойно). Я недурно рисую и могла бы, например, делать фальшивые деньги.

И в а н (шагает к ней). Я тебя... (встречая её взгляд, кончает мягче) прошу выйти! Пётр и Вера – тоже марш! Мне нужно поговорить с матерью.

Вера и Пётр уходят быстро; Любовь идёт медленно, в столовой конец её шали зацепился за стул, она останавливается. Федосья поднимает голову, смотрит на Ивана, он замечает её.)

И в а н. А эта старая сова зачем здесь торчит? Ей в богадельню пора, я говорю!

С о ф ь я. Оставь, Иван...

И в а н (громко). Нянька – уйди! Слышишь?

Ф е д о с ь я (поднимаясь). Слышу, чай... Не из дерева сделана... (Идёт в столовую.)

И в а н. Вот что, Софья, я решил заняться благоустройством дома...

С о ф ь я. Чужого.

И в а н (строго). Это дом моего брата! А когда Яков умрёт – дом будет мой. Не перебивай меня глупостями. Итак, мне, я вижу, необходимо лично заняться благоустройством дома и судьбою детей. Когда я служил, я не замечал, как отвратительно они воспитаны тобой, теперь я имею время исправить это и сразу принимаюсь за дело. (Подумав.) Прежде всего, нужно в моей комнате забить окно на улицу и прорезать дверь в коридор. Затем, Любовь должна работать, – замуж она, конечно, не выйдет – кто возьмёт уroda, да ещё злого!

(Любовь уже распутала шаль; при словах Ивана о ней, она делает движение, видимо, хочет идти в гостиную, тихий голос матери останавливает её.)

С о ф ь я. Не забывай, по чьей вине она горбата...

И в а н (негромко). Я помню, помню-с! Вы двадцать тысяч раз упрекали меня этим. (Тише.) Ты, может быть, сказала ей, и потому она так злится на меня? Сказала?

С о ф ь я (озлобляясь). Нет, я не говорила... я не знаю – нечаянно ты уронил её или бросил нарочно, из ревности. Но нянька... она видела, знает.

И в а н (грозит). Раз и навсегда – молчать об этом! Я не знаю, кто уронил её.

С о ф ь я. Ты, – пьяный.

И в а н (тихо, наклоняясь к ней). А почему не ты? Как ты докажешь, что не ты? Ага! Ты не бывала пьяной? И прошу не забывать: я не уверен, что Любовь моя дочь, а не племянница.

Последние. Максим Горький gorkiytext.ru

С о ф ь я (в лицо ему). И потому ты бросил её тогда, да?

И в а н. Молчать!

С о ф ь я. Какое ты имеешь право говорить о моей неверности?.. У тебя были десятки связей...

И в а н. Право? Я – мужчина! Я мог – вот моё право! Я – хотел!

С о ф ь я. А я? Я не могла?

И в а н. А ты – не смела! Но... будет! Любовь должна работать, сказал я, пусть она возьмёт место учительницы где-нибудь в селе. Дома ей нечего делать, и она может дурно влиять на Веру, Петра... Дальше. Ковалёв не прочь жениться на Вере, но говорит, что ему нужно пять тысяч.

С о ф ь я (испуганно). Ковалёв? Развратный и больной?

И в а н. А где я тебе возьму здорового и нравственного зятя? Ты нашла мужа Надежде? Она сама нашла его. А Верка не может, глупа. Но она слишком бойка. Ковалёв энергичный малый, он скоро будет помощником полицеймейстера или исправником... Ты должна убедить Якова, чтобы он дал эти пять тысяч... и нам, на расходы по свадьбе... (С усмешкой.) Он не может отказать тебе... (Тревожно.) Ты что... что ты так смотришь? Что такое?

С о ф ь я (тихо). Потемнело в глазах...

И в а н (успокаиваясь). Лечись!

С о ф ь я (испуганно, тоскливо). Я не вижу...

И в а н (с досадой). Говорю – лечись! Ведь доктор – свой.

С о ф ь я (тихо, оправляясь). Господи... как страшно...

И в а н (оглядываясь, угрюмо). У меня тоже темнеет в глазах, когда я выхожу на улицу. Ведь бомбисты убивают и отставных, им всё равно... это звери! (Вдруг говорит мягко и искренно.) Послушай, Соня, разве я злой человек?

С о ф ь я (не вдруг). Не знаю...

И в а н (усмехаясь). Прожив со мною двадцать семь лет?

С о ф ь я. Теперь всё изменилось, стало непонятно и угрожает. О тебе говорят ужасно... Ты хуже, чем злой.

И в а н (презрительно). Газеты! Чёрт с ними...

С о ф ь я. И люди. Газеты читают люди... (Тоскливо.) Зачем ты приказал бить арестованных?

И в а н (тихо). неправда! Их били до ареста... они сопротивлялись...

С о ф ь я. И дорогой в тюрьму – били!

И в а н. Они сопротивлялись, пели песни! Они не слушали меня. Ты же знаешь, я горяч, я не терплю противоречия... Ведь это буйные, распущенные люди, враги царя и порядка... Их вешают, ссылают на каторгу. Почему же нельзя... нужно было заставить их молчать.

С о ф ь я. Двое убиты... двое...

И в а н. Что значит двое? Это слабые, истощённые безработицей люди, их можно убивать щелчками в лоб... Солдаты были раздражены... (Замолчал, развёл руками, говорит искренно.) Ну, да, конечно, я отчасти виноват... но – живёшь в постоянном раздражении... Другие делают более жестокие вещи, чем я, однако в них не стреляют.

Последние. Максим Горький gorkiytext.ru

С о ф ь я. Мы говорим не то, что нужно... нужно о детях говорить в это страшное время... ведь оно губит больше всего детей. Те, двое убитых, тоже были ещё мальчики...

И в а н (пожимая плечами). При чём тут дети?

С о ф ь я. А если они осудят?

И в а н (возмущён). Они? Они мне судьи? Дети, кровь моя? Чёрт знает, что ты говоришь! Как же они смеют упрекнуть отца, который ради них пошёл служить в полицию? Ради них потерял... очень много и наконец едва не лишился жизни...

Л е щ (из столовой). Можно?

И в а н. Пожалуйста...

Л е щ (осматривая обоих). Пришёл Ковалёв.

И в а н (жене). Иди к нему! Я сейчас! Будь э-э... любезнее с ним и вообще - понимаешь?..

(Софья молча уходит. Лещ улыбается.)

И в а н (недружелюбно). Что? Вам весело?

Л е щ. Я тоже понимаю.

И в а н (строго). Да? Послушайте, почтеннейший, я должен вам сказать, что ваши поступки могут скомпрометировать меня и... очень!

Л е щ (поднимая брови.) О? Это любопытно.

И в а н. Скажите, вы сколько дали по делу об устройстве Александра на службу?

Л е щ. Триста.

И в а н. Но вы у брата взяли пятьсот!

Л е щ. Факт.

И в а н. И где же двести?

(Л е щ молча хлопает себя по карману на груди.)

И в а н. Но это - неудобно!

Л е щ. Для меня?

И в а н. Вообще... Представьте - брат узнает!

Л е щ. Кто ему скажет?

И в а н. Да вот я, например, могу проговориться...

Л е щ (серьёзно). А вы будьте осторожнее! Забудьте этот случай.

И в а н (смущённо, но с сердцем). Однако вы таким тоном говорите...

Л е щ. Забудьте, как, примерно, забыли доплатить мне три тысячи приданого за дочерью.

И в а н (мягче). На что вам деньги? Ведь есть, достаточно.

Л е щ. Надя находит, что ещё недостаточно.

И в а н. Гм... Да... Кстати, нет ли у вас... двадцати рублей?

Л е щ. Это совсем некстати. И - много.

И в а н (удивлённо). Почему много?

Л е щ. Двадцать рублей – это двадцать процентов.

И в а н (хочет рассердиться). Вы... вы что говорите, милостивый государь?

Л е щ. Я вам дам десять – извольте! Не нужно? Как хотите. Должен сообщить вам новость: дочь рассыльного Федякова предъявляет к вам иск на содержание ребёнка.

И в а н (возмущён). Вот подлая! Да чем же она докажет, что ребёнок мой?

Л е щ. Разумеется. Это – недоказуемо. Но будет ещё скандал.

И в а н. Какое свинство!

Л е щ. А курьер Трусов думает жаловаться на вас...

И в а н. И он, скотина!

Л е щ. Да. У него лопнула барабанная перепонка от удара.

И в а н (подумав). Помните, есть басня – раненый лев, которого лягают ослы? Вот это я – лев!

Л е щ. Возможно.

И в а н (искренно). Да, да! Они там боятся, что я снова буду служить, и вот хотят оскандалить меня – дьявольский план завистников... Это – люди!

Л е щ (протягивая деньги, серьёзно). Горе побеждённым!

И в а н (принимая бумажку). Ещё посмотрим! Вы, дорогой мой, должны помочь мне в этих случаях; вы, я знаю, всё можете! У вас великолепная голова.

(В столовой появляется Надежда, очень нарядная, декольте, с крестом из красных камней на голой шее. Стоит и слушает.)

И в а н. Услуга за услугу – завтра в клубе я познакомлю вас с Муратовым, знаете – купец, либерал?

Л е щ. В чём дело?

И в а н. У него в тюрьме племянник, за какие-то брошюры, знакомства... Нужно дать этому племяннику свидетельство о болезни, чтобы его выпустили... я его знаю, славный парень! А брошюры – случайность.

Л е щ (серьёзно). Если славный малый, надо ему помочь.

И в а н. Дядя его любит и боится за него. Он не пожалеет рублей трёхсот...

Л е щ. Мало! Это – политика.

Н а д е ж д а (входит). Нам пора идти, Павел...

И в а н (крутя усы). Какая дама, а? Семьсот чертей!

Л е щ (уходя). Я на секунду загляну к дяде Якову...

И в а н (вслед ему). Вы посмотрели бы на жену, она жалуется на свои глаза... А ты, Надина, всё хорошеешь!

Н а д е ж д а. Оттого, что нет детей...

И в а н (вздыхая). Да, Надя, они старят, они уродуют нас, родителей. Дети... как много в этом слове... Из пятерых – только ты радуешь моё сердце.

Н а д е ж д а (осторожно ласкаясь). Бедный мой папка! Тебе стало плохо жить.

Последние. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru

Раньше ты дарил своей Надеine разные хорошенькие штучки, а теперь стал бедненький и не можешь порадовать своё сердце подарком любимой дочурке.

И в а н (огорчённо). Да, чёрт возьми, не могу.

Н а д е ж д а. Знаешь что? Ты возьми денег у дяди...

И в а н. Это испробовано!

Н а д е ж д а. И подари мне дюжину чулок, помнишь, ты покупал мне шёлковые чулки.

И в а н. Помню... Эх, Надя...

Л е щ (входит). Я готов. (Ивану, негромко.) А дела дяди Якова швах...

И в а н (тихо). Да ну?

Л е щ. Сердце у него очень плохо, очень!

И в а н (озабоченно). Гм...

Н а д е ж д а. Ты, папа, должен бы поговорить с ним.

И в а н. Поговорить... О чём же? наследник у него один - я!

Л е щ (многозначительно). Вы уверены? Идём, Надя...

Н а д е ж д а (подставляя отцу щёку для поцелуя). До свиданья!

И в а н (целуя её). Желаю веселиться, милая! Иди с богом... (Оставшись один, он задумчиво подходит к буфету, наливает стакан вина, выпивает и бормочет.)
Поговорить? Н-да...

(В гостиную справа входит Пётр, садится в кресло, закрыв глаза и закинув голову. Иван смотрит на часы, открывает дверцу, переводит стрелку. Часы бьют восемь. Пётр открывает глаза, оглядывается. Иван, насвистывая "Боже царя храни", стоит посреди столовой, хмурый и озабоченный. Пётр решительно идёт к отцу.)

П ё т р (взволнованно). Папа!

И в а н. Ну?

П ё т р. Я хочу спросить тебя...

И в а н. Что такое?

П ё т р. Это очень тяжело и страшно...

И в а н (присматриваясь к нему). Не мямли!

П ё т р. Может быть, это даже гадко... но - будь ласков со мной... позволь мне быть искренним...

И в а н. Ты всегда должен быть искренним с твоим отцом.

П ё т р. Я хочу поговорить с тобой как человек с человеком...

И в а н (удивлён). Ка-ак? (Вдруг - догадался, схватил сына за плечо, потрянул его и говорит упрекающим шёпотом.) Ты - заболел? Уже заболел, скверный мальчишка, а? Ах, развратная дрянь, - уже?

П ё т р (возмущён). Оставь меня... ты не понимаешь... я здоров!

И в а н (отпуская его). Врёшь?!

П ё т р (тихо). Прошу тебя, папа, оставь!

Последние. Максим Горький gorkiymaxim.ru

И в а н (досадливо). Так что же ты тут городил, дурачина? Ну, говори, в чём дело!

П ё т р. Потом... я уже не могу сейчас...

И в а н. Без фокусов, ну?

П ё т р (быстро идёт в гостиную). Не могу!

И в а н (строго). Стой! Я говорю – стой!.. (Смотрит на часы и успокаивается.) Жаль, что нет времени поймать тебя...

(Держась за стену и стулья, идёт Яков.)

И в а н (смотрит на брата, с сожалением чмокая губами). Что, брат, плохо служат ноги, а? Да, брат, старикашки мы с тобой! Так сказать – два воина, уставшие от битв...

Я к о в (очень взволнован; говоря, он заикается). Послушай... я вышел на твой голос...

И в а н (извиняясь). Да, я тут крикнул. Нельзя, знаешь, – отец! Ты сядь. Ты помнишь, – два гренадёра... (Растроганно, но фальшиво поёт.)

Во-о Францию два гренадёра

Из русского плена брели...

И об-ба они...

(Забыл слова.) Да-а... Но, извини, Яша, я ухожу...

Ф е д о с ь я (идёт). Чего ты, Яша, ходишь один, упадёшь ещё... ах ты...

Я к о в. Пожалуйста, останься – я прошу!.. Мне нужно поговорить с тобой...

И в а н (взглянув на часы). Не могу, дружище! Мне необходимо нужно идти, да...

Я к о в. Это важно... Я хочу говорить о Любе...

И в а н (нахмурясь). Гм... Ты так слаб сегодня. Мне тоже нужно о многом говорить с тобой... о детях... и ещё разное там... (Решительно.) Но – не сегодня! Завтра, Яков! Да, завтра, друг мой! (Уходит, прежде чем брат успеваешь сказать ему.)

Я к о в (вслед). Иван, может быть, завтра я... (Махнув рукою, идёт к себе.)

Ф е д о с ь я. Опять пошёл вокруг себя! (Идёт, вязанье тащится за нею.) Прожил век камнем – ни росту, ни семени – чего искать теперь? Клады ищут – по полям рыщут... А я гляди за вами... стереги да береги... (Уходит.)

(В гостиную быстро вбегает Вера, она тащит за руку Якорева. Это молодой человек в форме околоточного, красивый. Следом за ними идёт Пётр, угрюмый и нервный.)

В е р а. Садитесь и продолжайте.

Я к о р е в. Вам не боязно?

В е р а. Всё героическое немножко страшно, но – так и следует!

Я к о р е в. Верно. Ну-с, так, значит, он выстрелил в меня, я тотчас же ответил ему из моего нагана и бросился на землю, чтобы лёжа лучше стрелять, и стараясь попасть ему, pardon (извините, (франц.) – Ред.), в живот, чтобы нанести тяжёлую рану. После третьего выстрела один из нападавших, впоследствии оказавшийся учеником художественной школы Николаем Уховым, был мною ранен легко в колено...

В е р а (махая руками). Не так, не так!

Я к о р е в (удивлённо). Помилуйте, что вы? Сличите с протоколом... я вам

принесу копию!

В е р а (убеждённо). Не надо говорить так, как в протоколе! Не надо, понимаете?

я к о р е в (усмехаясь). Но если отступить от него, тогда будет неправда!

В е р а (топая ногой). Ах, какой вы! Пётр, объясни ему, как надо рассказывать страшное...

П ё т р (недовольно). Тебе, Якорев, пора бы перестать об этом...

я к о р е в. Почему же? Странно.

П ё т р. Нечем тут гордиться...

В е р а. Неправда, Петька!

я к о р е в (обижен). Как нечем? Я подвергал жизнь опасности, и ты, дворянин, должен понимать...

П ё т р. А я - не понимаю. Не хочу. А если пойму, так, может быть, не подам тебе руки...

В е р а. Петька, что такое?

я к о р е в (вставая). Ты стал зазнаваться, Пётр. Если ты гордишься тем, что кончаешь гимназию, а меня исключили, то я считаю себя оскорблённым...

В е р а (радостно). Bravo! Вот видите, Якорев, вы можете говорить, как настоящий герой, благородно, горячо...

я к о р е в (повышая тон). Твоё поведение я называю свинством.

В е р а. Ай, не надо ругаться!

П ё т р (равнодушно). Иди ты к чёрту! Очень мне нужно знать, как ты думаешь о моём поведении... Перестрелял каких-то мальчишек - а стрелял со страха...

В е р а. Врёшь, Петька!

я к о р е в (возмущён). Я? Со страха?

П ё т р (лениво). Конечно. Испугался и давай палить без всякой надобности...

я к о р е в (угрожая). Это, мой друг, слова серьёзные.

П ё т р (сестре, насмешливо). Его под суд надо отдать, а ты, дура, восхищаешься - герой!

В е р а (растерянно). Да, герой... он - герой, только не умеет рассказывать...

я к о р е в. Я ухожу, Вера Ивановна! С тобой, Пётр, я поговорю после! Я тоже - дворянин...

П ё т р (усмехаясь). Дуэль, что ли?

В е р а (в тихом восторге). Нет? Якорев, неужели дуэль? Петя, милый!

я к о р е в (многозначительно). Я посмотрю... подумаю... (Идёт.)

В е р а (проводя его). Прекрасно, Якорев, вы - благородная душа! Это правда - Петька загордился. Он познакомился с каким-то господином, может быть - революционером, и с той поры...

(Уходят. Пётр подходит к буфету, наливает водки, пьёт. Из своей комнаты, торопливо, как только может, идёт Яков.)

я к о в. Дай мне воду, Петя.

Пётр. Это – водка.

Яков. Водка? Зачем ты пьёшь?

Пётр. Так. Должно быть, от зубной боли.

Яков. Э-эх, Петя! Дай скорее воды...

Пётр (подавая воду). Кто-нибудь плачет?

Яков. Да.

Пётр. Мама?

Яков (уходя). Люба...

Пётр. Давай, я снесу воду...

Яков. Нет. Ты не ходи туда...

Пётр (грубовато). Я не собираюсь...

(Входят Софья и г-жа Соколова – седая дама с измученным лицом, держится прямо, говорит негромко, с большой внутренней силой, и невольно внушает уважение к себе.)

Соколова. Вы понимаете, зачем я пришла?

Софья (не знает, как себя держать). Я получила ваше письмо... Петя, пожалуйста, оставь нас...

(Пристально глядя в лицо Соколовой, Пётр подвигается к ней, она тоже смотрит на него. Пётр, наклонясь, хочет протянуть ей руку, Софья становится между ними.)

Софья (суетливо). Прошу тебя, Петя! Пожалуйста, садитесь...

(Пётр уходит.)

Соколова (не села. Говорит сначала твёрдо, под конец не может сдержать волнения, но голос её звучит властно). Я пришла сказать, что мой сын не виновен, он не стрелял в вашего мужа – вы понимаете? Мой сын не мог покушаться на жизнь человека... он не террорист! Он, конечно, революционер, как все честные люди в России...

Софья (повторяет, ударяя на слове "честные"). Как все честные люди?

Соколова. Да. Вам это кажется неправдой?

Софья (не сразу). Я не знаю.

Соколова. Супруг ваш ошибся, указав на него. Ошибка понятна, если хотите, но её необходимо исправить. Сын мой сидит в тюрьме пятый месяц, теперь он заболел – вот почему я пришла к вам. У него дурная наследственность от отца, очень нервного человека, и я, – я боюсь, вы понимаете меня? Понятна вам боязнь за жизнь детей? Скажите, вам знаком этот страх? (Она берёт Софью за руку и смотрит ей в глаза. Софья растерянно наклоняет голову, несколько секунд обе молчат.)

Софья (с напряжением). Мы получили заявление террористов... они отрицают участие вашего сына...

Соколова. И этого, я думаю, достаточно для порядочного человека, чтобы признать свою ошибку...

Софья (тихо). Не говорите со мною... так строго!

Соколова (не сразу). Я прошу извинить меня.

С о ф ь я (вздыхая). Мне кажется, мы можем говорить иначе...

С о к о л о в а (наклонясь к ней). Да, как две матери... Ведь я не ошибаюсь, чувствуя, что вы убеждены в ошибке вашего мужа, что у вас есть желание помочь мне?

С о ф ь я (волнуясь). Да! Да, я хотела бы... очень хочу! Я не верю, что стрелял ваш сын, я и раньше сомневалась, но теперь - вижу вас - не верю!

С о к о л о в а (жмёт ей руку). Вы - мать, вы не можете ошибаться, когда речь идёт о судьбе сына...

С о ф ь я (пугливо, недоверчиво). Не могу ошибаться, я?

С о к о л о в а (просто). Мать всегда справедлива, как жизнь...

С о ф ь я (болезненно усмехаясь). О, это неверно! Это... красиво сказано, но, боже мой, я - справедлива?

С о к о л о в а (настойчиво). Мать справедлива, как жизнь, как природа... Все дети близки её сердцу, если это здоровое сердце...

С о ф ь я (грустно). А! Вот видите - здоровое сердце...

С о к о л о в а. Мать - враг смерти. Вот почему вы хотите помочь мне спасти сына...

С о ф ь я (тоскливо). У меня - тоже дети, и они - тоже хорошие, поверьте мне! Я первый раз вижу ваше лицо, но мне кажется - я давно знаю вас... Это странно, но я чувствую вас, как сестру...

С о к о л о в а (просто). Мы все сёстры, когда нашим детям грозит опасность.

С о ф ь я (сильно волнуясь). Как странно вы говорите... Вы - сильная.

С о к о л о в а. Я - мать...

С о ф ь я. О! Я хочу спасти вашего сына... Может быть, это научит меня помочь моим детям... Но - могу ли я? Сумею ли?

С о к о л о в а. Я приду послезавтра утром - хорошо? Убедите вашего мужа выслушать меня спокойно...

С о ф ь я. Убедить мужа? (Тихо.) Что вы думаете об этом человеке? Это - очень дурной человек, да?

С о к о л о в а (спокойно). По всему, что я знаю о нём, - да, очень...

С о ф ь я (виновато улыбаясь). Мне сорок пять лет - я смешна и жалка, правда? Так спрашивать о человеке, с которым прожила всю жизнь, - глупо? У меня взрослые дети...

С о к о л о в а (мягко). Но давно ли вы почувствовали себя матерью?

С о ф ь я. О, мне было восемнадцать лет, когда...

С о к о л о в а. Я говорю о чувстве духовного родства с детьми...

(Софья испуганно смотрит в лицо ей и отрицательно качает головой, видимо, не понимая слов Соколовой.)

С о к о л о в а (после паузы). Простите меня, я расстроила вас...

С о ф ь я (тихо). Нет, не то...

С о к о л о в а (идёт). Один вопрос: ваш сын хотел поздороваться со мной, мне показалось - вы помешали тому... зачем?

С о ф ь я. Не знаю... Может быть, побоялась. Люди всегда так охотно обижают друг друга...

С о к о л о в а. Какие грустные глаза у него...

(Обе уходят. В столовой появляется Пётр, возбуждённый, смотрит вслед им. Входит А л е к с а н д р, в форме и в шапке.)

А л е к с а н д р (сердито). Отец дома?

П ё т р. Уехал в клуб.

А л е к с а н д р. Где мать?

П ё т р. Зачем тебе?

А л е к с а н д р (кричит). Что за вопрос?

П ё т р (с досадой, но мягко). Ну, не ори! Какой ты странный...

А л е к с а н д р. Что?

П ё т р. Зачем казаться хуже, чем есть?

А л е к с а н д р. Что за дерзости?! Я тебе уши надеру, осёл!

П ё т р (отступая). Александр, послушай...

С о ф ь я (быстро входит). Оставь!

А л е к с а н д р (возмущённый). Он говорит мне дерзости!

С о ф ь я (взволнованно). Ты не имеешь права драться!

П ё т р. Он, мама, хочет набить себе руку для практики по службе.

А л е к с а н д р. Слышите? Если вы не умеете воспитывать его, отцу нет времени, так должен я, по старшинству... Ступай вон, ты!

П ё т р (уходя, с усмешкой). Иду, брат мой... милый мой брат...

А л е к с а н д р. Поговори ещё!.. Послушайте, мамаша, вы поставили меня в идиотское положение: я должен угостить товарищей, отпраздновать своё вступление в их среду, а где же деньги? Где деньги, спрашивается?

Ф е д о с ь я (идёт). Сонюшка, иди-ка...

С о ф ь я (тихо и мягко). Саша, денег нет! Всё, что можно было заложить, - заложено...

А л е к с а н д р. Но вы должны понять, что не могу же я брать взятки с первых дней службы!.. Вы обязаны избавить меня от этой необходимости, а не толкать к ней...

С о ф ь я (тихо, с тоской). Что же мне делать, что? Голубчик Саша...

Ф е д о с ь я. Сонюшка, там Люба плачет.

А л е к с а н д р. Мне надоели жалкие слова, я говорю серьёзно!

Ф е д о с ь я. Ты, басурман, сними шапку-то! Перед матерью надо как перед иконой стоять... а ты - ишь, выпялился!

А л е к с а н д р (срывая шапку). Уйди ты к...

С о ф ь я. Ты говоришь плохо, Александр! Ведь перед тобою - мать!

Последние. Максим Горький gorkiymaxim.ru

А л е к с а н д р. Нужно помнить не то, что вы моя мать, а что я – ваш сын – имею право на вашу помощь. Неужели вам непонятна ваша обязанность помочь мне встать на ноги? Необходимо по крайней мере двести рублей; от этого зависит ход моей службы, карьера, достойная дворянского имени и чести.

С о ф ь я (усмехаясь). Ты. – умный, Саша! Ты очень убедительно говоришь...

А л е к с а н д р (возмущаясь). Нет, вы бросьте эти facons de parler... (церемонии, (франц.) – Ред.) Мне нужны деньги, а всё остальное, pardon, комедия!

С о ф ь я. Александр! Опомнись же... Где я возьму денег?

А л е к с а н д р. У дяди, это ясно!

С о ф ь я. Мы его обобрали уже... Мне стыдно просить.

А л е к с а н д р (со злой иронией). Как стойко вы защищаете интересы дяди Якова! parole d'honneur (честное слово (франц.) –Ред.) – это может показаться подозрительным кому-нибудь...

С о ф ь я. Что? Что ты говоришь?..

А л е к с а н д р. Э, полноте! К чему тут драматический шёпот? Я – не мальчик...

С о ф ь я (с ужасом, тихо). На что ты намекнул?!

А л е к с а н д р. Какие там намёки! Я знаю – дядя не может отказать вам.

С о ф ь я. Почему? Саша, почему?

А л е к с а н д р (чувствуя, что он зарвался). Ну, вы это знаете...

С о ф ь я (вдруг, твёрдо). Тебе сказал отец? Неужели он сказал тебе?

А л е к с а н д р (успокоительно). Ну, да! Вы знаете – папа болтлив. Но ведь ничего страшного нет во всём этом... Какая женщина не увлеклась?..

С о ф ь я (гневно). Молчать!

(Александр испуганно встаёт. Он впервые видит гнев матери и удивлён.)

С о ф ь я. Твой отец... ты понимаешь...

А л е к с а н д р. Это мне не интересно...

С о ф ь я. Ты понимаешь – кто твой отец?

А л е к с а н д р (уходя). Нет, вы меня избавьте... у меня есть свои задачи...

С о ф ь я (стоит, точно каменная, с ужасом на лице смотрит в угол и спрашивает тихо). Это ты, господи? Твоя всесильная рука? За что же? За что?

Ф е д о с ь я. Чего он расхотелся, а? Сонюшка!

С о ф ь я (тихо и точно ребёнок). Няня... няня...

Ф е д о с ь я. Зачем, бишь, я пришла, Сонюшка... Вот, последненький мой...

(Идёт Пётр. У него лицо светлое, удивлённое, он как-то выпрямился.)

П ё т р (осторожно подходя к матери). Мама, прости меня, я слышал, что говорила эта женщина... не всё, но слышал... ты не сердись...

С о ф ь я (глухо). Подожди...

П ё т р (не замечая состояния матери, ходит по комнате, возбуждённый). Какая она величественная, а? Вот мать, да!

С о ф ь я. Как? Что ты сказал?

П ё т р. Вот мать, сказал я. Точно из другого мира.

С о ф ь я (тихо). Это упрёк мне?

П ё т р (быстро). Нет, мама, ей-богу, нет! Это я... так, просто...

С о ф ь я. Ты меня любишь?

П ё т р (просто, думая о чём-то другом). Конечно, мама!

С о ф ь я (громко). За что?

П ё т р (так же). Люблю, а за что – как это скажешь? Но какая она удивительная, не правда ли? Она – гордая, мама! Мама, познакомь меня с нею, мне так хочется быть знакомым с хорошими, с другими людьми.

С о ф ь я (печально). С другими, с хорошими?

Ф е д о с ь я. Не люблю я его, Александра-то!

П ё т р (сконфужен). Ты, мама, неверно поняла... я не о тебе думал...

С о ф ь я. Милый мой мальчик – я заслужила... Куда вы? Что такое?

(Любовь ведёт под руку Якова, лицо у неё суровое, усталое. Яков взволнован, он умоляюще смотрит в лицо Любви. Видя их, Софья невольно встаёт.)

я к о в (тихо). Тише, Люба, дорогая моя... ты оцени этот момент... ты задумала, я не знаю, право, что это будет... Вот, Соня, она ведёт меня... Петя, голубчик, на минуту уйди, прошу тебя...

Ф е д о с ь я. Опять этот выполз, ах какой! Сонюшка, Люба-то всё плачет, вот я зачем пришла...

П ё т р (уходя, хмуро). Идём, нянька...

я к о в. Мы должны поговорить... решить один вопрос, извини... Соня, она всё знает Люба... я говорил тебе – она всё поняла...

С о ф ь я (села. Глухо). Ну, что же, Люба... Ты... Чего ты хочешь...

л ю б о в ь (тихо). Мама, он мой отец?

я к о в (тоже тихо). Нужно ответить, Соня.

л ю б о в ь. Это мой отец?

С о ф ь я (опуская голову, тихо). Я не могу сказать... ни – да, ни нет...

(Все трое молчат. Любовь опустила на пол, положила голову на колени матери. Яков стоит, держась за спинку стула. Потом говорят всё время тихо, как будто в доме кто-то умер.)

С о ф ь я. Я только так скажу: были в моей жизни светлые, чистые дни это дни твоей любви, Яков...

я к о в. Нашей любви...

С о ф ь я. Только однажды я была человеком, свободным от грязи, – во дни твоей любви.

я к о в. Соня, нашей любви!..

С о ф ь я. Разве я тебя любила, если не пошла с тобой, когда ты звал? Я променяла любовь на привычку – вот и наказана за это...

Л ю б о в ь (твёрдо). Мама, мой отец – он! Я это знаю.

Я к о в. Да, Соня. Она – знает!

С о ф ь я (осторожно лаская дочь). Пусть так... но что же дальше?

(Молчат.)

Ф е д о с ь я (улыбаясь, смотрит на них). Вот и побеседуйте дружненько...

Л ю б о в ь (тихо, с отчаянием). Мама, зачем я урод?

Я к о в (ласково и грустно). Ты не должна бы помнить об этом в святую минуту, когда воскресла умершая любовь...

Л ю б о в ь (холодно). Нет минуты, когда бы я не чувствовала своего уродства, отец!

С о ф ь я (медленно). И у меня нет теперь такой минуты...

Л ю б о в ь. И разве это любовь воскресла, отец? Нет, это обнаружилась ошибка, может быть, и...

Я к о в (умоляюще). Не будь жестокой, Люба!

С о ф ь я. Ты думаешь, она не выстрадала права на это?

Л ю б о в ь (тихо, печально). Мама, мама... как мне тебя жалко!

(подавленно молчат.)

Ф е д о с ь я. А ты бы, Яша, смешное что рассказал... Помнишь, как, бывало, вы с Андрюшей Рязановым комедию играли... и Сонюшка тоже... ещё тогда Люба не родилась, а Надя корью болела... а полковник Бородулин, крёстный-то её, в ту пору...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Столовая, большая уютная комната. На столе остатки завтрака, вокруг стола беспорядочно разбросаны стулья. И в а н, в тужурке, ходит по комнате, С о ф ь я моет чайную посуду, Ф е д о с ь я убирает её в буфет.

И в а н. Что – она приличная женщина, эта Соколова?

С о ф ь я. К ней чувствуешь уважение.

И в а н (скептически). Ну, уважение! (Подумав.) Однако надо будет надеть новый мундир.

С о ф ь я. Он в ссудной кассе.

И в а н. Ф-фу, чёрт! Вы скоро и меня туда стащите!

С о ф ь я (спокойно). За нас с тобой там не дадут ни гроша.

И в а н. Без иронических шуток! Кто разорил меня? Твои наряды и капризы!

С о ф ь я (сдерживаясь). А также твоя игра, твои любовницы и кутежи...

И в а н (останавливаясь, смотрит на неё, пожимает плечами, говорит спокойно). Я не хочу споров; мне нужно встретить эту женщину вполне корректно, моя беседа с нею, вероятно, будет известна всему городу, а если бы не это, ты, моя милая (грозит ей пальцем), услышала бы несколько тёплых слов...

Ф е д о с ь я (бормочет). Зарычало воевало...

Последние. Максим Горький gorkiytext.ru

И в а н. Характер у тебя становится невыносим. Ты груба, как прачка, и зла, как чёрт, которому прижали хвост. Я слишком устал для того, чтобы терпеть твои выходки, я требую покоя! Я должен беречь свои силы для детей...

С о ф ь я (холодно). Ты погубил детей!

И в а н (грубо). Не смей говорить так!

С о ф ь я (вздыхая, твёрдо). Мы с тобой погубили детей, да! Посмотри, как они несчастны...

И в а н. Ага, твоя горбунья! Но мои дети – уважают меня!

С о ф ь я. В Петре зреет отвращение к нам... Надежда – чувственное животное, без ума и сердца...

И в а н. Как ты. Ты была такой же!

С о ф ь я. Александр развращён тобой, Вера – бедная, глупая девочка...

И в а н. Ты не умела воспитать их, ты!

С о ф ь я. Я знаю, в чём я виновата.

И в а н. Чего ты хочешь от меня, скажи, чего?

С о ф ь я (бросая полотенце). Слушай, ты десять лет боролся против детей...

Ф е д о с ь я. Ну, вот, начали...

И в а н (усмехаясь). Что такое?

С о ф ь я (сильнее). Обыскивал, хватал, сажал в тюрьмы – кого?

И в а н (изумлён). Это – либерализм, что ли? Ты бредишь! Старуха, не смеди меня!

Ф е д о с ь я. Сто лет ругаетесь... уж пора бы устать...

С о ф ь я (тоскливо). Ты убивал мальчиков. Одному из убитых было семнадцать лет. А девушка, которую вы застрелили во время обыска! Ты весь в крови, и всё это кровь детей, кровь юности, да! Ты сам не однажды кричал: они мальчишки! Помнишь?

И в а н (испуган, недоумевает). Софья, что с тобой? Это ужасно!

С о ф ь я. Да, ужасно!

И в а н. Ты собрала всю клевету и ложь... да разве только одни молодые идут против порядка? Наконец, ты говоришь опасные вещи! Если тебя услышит Пётр или Вера...

С о ф ь я. Из трусости или со зла – ты сделал подлость...

И в а н (теряется). Софья, я – дворянин, я не позволю...

С о ф ь я. Ты указал на юношу, который будто бы стрелял в тебя... ты знаешь, видел – это стрелял он? Он?

И в а н. А, понимаю! Тебя настроила его мать...

С о ф ь я. Ты скажешь по чести, вот здесь, перед образом, мне в глаза, что он стрелял?

И в а н (гневно). Довольно! Я всё понял! Я ей – покажу!

Ф е д о с ь я. Охо-хо... Разбодрился кум, растерявши ум...

С о ф ь я (подшла к мужу). Иван, ты должен сказать жандармам, что ты ошибся, не этот юноша стрелял в тебя – ты скажешь!

И в а н (испуган её тоном). А... если не скажу?

С о ф ь я. Скажешь! Христа ради прошу...

И в а н. Это отвратительно! Но если я уверен в его вине?

С о ф ь я. Неправда! Я не к сердцу твоему обращаюсь – бесполезно кричать в пустоту, – я говорю тебе: или ты сознаешься в своей ошибке, или я расскажу о тебе Пётру и Вере... Ради детей, Иван!

И в а н (колеблется). Это насилие надо мной! Это безумие!

С о ф ь я (слабея). Сделай, как я говорю, – ты сам себе покажешься лучше, честнее...

И в а н (отмахиваясь от неё). Довольно! Мне, конечно... да чёрт с ним, с этим прохвостом. Действительно, я не уверен, что он стрелял... но ведь кто-нибудь стрелял же! Я, наконец, допускаю – не он! Но всё-таки устраивать мне такую сцену из-за пустяков – это безумие, Софья!

С о ф ь я (утомлена напряжением, тихо). Вся моя жизнь – безумие... и твоя тоже...

Ф е д о с ь я (бормочет). Нянчила-водила, всю силушку убила...

(Пётр идёт.)

И в а н (пожимая плечами). Откуда это у тебя? Гм... Что тебе нужно, Пётр?

П ё т р. Ничего.

И в а н. Гм... Почему ты не в гимназии?

П ё т р. Не пошёл туда. А вы – ссорились?

И в а н (вскипая). Ты смеешь так спрашивать?..

С о ф ь я (слабо). Петя, не надо...

П ё т р (спокойно). А почему не смею, папа?

И в а н. Видишь, Софья? Ага!

П ё т р (грустно улыбаясь). Разве мне всё равно, как живут мои мать и отец?

И в а н (не знает, как ему отнестись к сыну). Во-первых, ты – ещё мальчик...

П ё т р. И так далее... Скажите, правда, что Веру решено выдать замуж за Ковалёва?

И в а н (изумлённо). Постой... тебе какое дело?

С о ф ь я. Это ещё не решено, Петя.

П ё т р. А Верка плачет, бедная!

И в а н (пожимая плечами). Я ничего не понимаю!

П ё т р. Папа, ты называл Ковалёва мерзавцем...

И в а н. Я? Когда?

П ё т р. Не однажды.

И в а н (смотрит на жену и сына). Это – что? Допрос? Отцу? Мне? Нет, господа, до этого я... вы не доросли... (Уходит.)

Последние. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Ф е д о с ь я (усмехаясь). Ну, всё высыпал, пошёл ещё копить...

П ё т р (помолчав). Детям не принято отвечать на их вопросы, я забыл...

С о ф ь я (задумчиво). Тут, я думаю, есть... некоторый смысл...

П ё т р. Я хотел бы спросить отца – честный ли он человек?

С о ф ь я (тревожно). Не говори так, Петя, не говори!

П ё т р. Почему? Потому, что это мучает тебя? Мама, ведь бесполезно мучить людей, не правда ли?

С о ф ь я (быстро). Да! О, да! (Подумав и тише.) А может быть, нет...

П ё т р (мягко). У тебя да и нет живут удивительно дружно: они всегда вместе! Это – удобно?

С о ф ь я (тихо). Мучительно и страшно, Петя!

П ё т р. Мне тоже кажется, что мучительно... Я, мама, больше не пойду в гимназию...

С о ф ь я. Но как же? Надо же учиться!

П ё т р. Но чему же, мама, учиться? Самое ценное, что я узнал там до сей поры, это про отца... о нём я уже знаю достаточно... достаточно для того, чтобы...

С о ф ь я. Петя, ради бога! Молчи!

П ё т р. Хорошо! Хотя – бог... Что такое бог, мама? Ты знаешь?

С о ф ь я (с отчаянием). Я ничего не знаю... ничего, родной мой!

П ё т р (помолчав). Всё это странно. Ты не любишь отца, не уважаешь его, но ты останавливаешь меня, когда я хочу сказать о нём то, что думаю. Почему? Почему так, мама? Ведь ты же сама рассказывала мне о нём!

С о ф ь я. Я не должна была делать этого!..

П ё т р. Чтобы не мучить меня? Как мы однако жалеем друг друга! Но, мне кажется, наша жалость – самое плохое, что можно выдумать, мама.

С о ф ь я (тихо). Может быть, ты прав, мой друг... да!

П ё т р. Твой друг? Первый раз слышу это... (Помолчав – Федосье.) Няня, ты смерти боишься?

Ф е д о с ь я. А тебе какое дело?

П ё т р. Боишься?

Ф е д о с ь я. А тебе что? Не твоё это дело!

П ё т р. Мне хочется знать...

С о ф ь я. Петя, перестань...

Ф е д о с ь я. Бояться мне нечего – я смерть не обидела, никого не обидела. А ты не заигрывай, молод ещё шутки шутить...

С о ф ь я. О, боже мой...

П ё т р (тихо). Ты, мама, скажи отцу, что я не буду ходить в гимназию. Мне говорить с ним... трудно, мы плохо понимаем друг друга... Скажи – я дал пощёчину Максиму, когда он назвал отца зверем и подлецом... Теперь я понимаю, что незаслуженно обидел этого мальчика... Хотя он не прав – какой же зверь отец? (Медленно и задумчиво.) Какой он зверь... С о ф ь я. Это несчастный, слабый

человек...

Пётр. Который всю жизнь командовал людьми, говорит дядя Яков. Оставим это, а то мне хочется говорить о жизни, в которой командуют несчастные слабые люди... и о людях, которые позволяют командовать собой... и – как назвать таких людей?.. Я спрошу об этом у Кирилла Александровича.

Софья (думая о чём-то другом). Кто это?

Пётр. Я говорил тебе о нём... ещё ты назвала его воздухоплавателем, помнишь? Я тоже хочу быть воздухоплавателем – летать мимо воздушных замков... Вера идёт... Смотри, мама, какое у неё смешное лицо.

Вера (возбуждённо). Мама, было бы тебе известно – я убегу из дому, но замуж за этого болвана не пойду!

Софья. Ведь ничего ещё не решено, Вера... Я не успела поговорить с отцом.

(Пётр подошёл к буфету, налил себе вина и пьёт; этого не замечают, он стучит стаканом, крикает.)

Вера. Не успела! И не успеешь! И он тебя не будет слушать...

Софья. Ты напрасно горячишься!.. Петя, зачем?

Вера. Напрасно? Благодарю вас! Мне приказывают: Вера, будь женой краснорозега, лысого, с большим животом и зелёными усами, – а я что же? Должна сказать – мерси да поцеловать папину ручку?

Иван (в мундире, с орденами). Что? Жаловаться прискакала? Не поможет! Я решил...

Вера (сквозь слёзы). Вы, папа, заметили, что у него зелёные усы?

Иван. Ну, не шали! Будь умной. Смотри: муж Надежды тоже некрасив, а она – счастлива! Это серьёзно, – брак!

Вера. Да, да, усы, серьёзно, зелёные! Вы подарили бы ему своей краски для волос...

Иван. Моей... Что такое?

Вера. У вас хоть лиловая, это оригинальнее...

Иван (тихо, но грозно). Ты с кем шутишь, девчонка, а?

Пётр (выходя из комнаты). Мама, возможен трагический балаган?

Иван (кричит). Софья, чёрт возьми! Ты должна наказать её! Что вы издеваетесь надо мной?

Федосья (ворчит). Заорали! Заплакали! Ах, неугомонные! (Идёт прочь.)

Вера (плачет). Это ты издеваешься надо мной! Ну, зачем тебе Ковалёв, зачем? Ведь достаточно одного Леща, чтобы всё в доме было противно!

Софья. Вот ты говорил, что дети любят тебя...

Вера. Да, папа, мы тебя любим .. но мы не полицейские солдаты...

Иван (растерянно смотрит на всех). Прямо заговор, заговор против отца!

Любовь (входит). Мама, тебя зовёт отец... Что с тобой, Вера?

Вера. Ты знаешь...

Иван (удивлён). Отец? Какой отец?

Л ю б о в ь. Ты напрасно плачешь, Вера...

И в а н. Прошу не поучать её! Вера, марш отсюда! Нет, ты останься, Любовь .. да...

Л ю б о в ь. Что вам угодно?

И в а н. Дай мне сообразить...

(Смотрят друг на друга; Иван – видимо, не понимая, зачем он её остановил, Любовь – спокойно ожидая)

И в а н. Ты сказала – отец... Это кто же?

Л ю б о в ь. Мой отец.

И в а н (растерянно). Ага-а... да! Значит, мы с тобой – чужие?

Л ю б о в ь. Мы не были родными.

И в а н. Да, ты относилась ко мне враждебно!

Л ю б о в ь. Я немного умнее других.

И в а н. Ты... ты удивительно злой человек!

Л ю б о в ь. Как все уроды.

И в а н (возбуждаясь, с пафосом). Это ты привила моим детям дух противоречия, ты научила их не уважать меня... и даже мать довела почти до безумия... несомненно – ты! Теперь всё ясно, я вижу всюду твою мстительную руку...

Л ю б о в ь. У вас похоже на мелодраму.

И в а н (убеждая сам себя). Я долго думал – где зло?

Л ю б о в ь. Вы бы давно могли найти его, если бы однажды взглянули на себя серьёзно...

И в а н. Нет, подожди...

Л ю б о в ь (спокойно). Послушайте, нам не о чем говорить.

И в а н (озабоченно). Но что же теперь будет?

Л ю б о в ь. Я уйду отсюда.

И в а н. Уйдёшь? Гм... Куда?

Л ю б о в ь. Это уж моё дело. Нам не за что благодарить друг друга, не так ли? (Идёт.)

И в а н (смотрит вслед ей, грустно качает головой и искренно бормочет). Какая злоба, а? О, боже мой... Вот где находит пищу анархия и прочее... Вот оно... Как я одинок, боже мой! Как я одинок, господи!

Н а д е ж д а (входит). Ты здесь, мой милый воевода? Что это ты бормочешь? Молишься?

И в а н. Эх, Надя, Надя! Не смейся над этим.

Н а д е ж д а (весело). Молись, отец! Тебе есть за что благодарить бога.

И в а н (грустно). Он меня забыл...

Н а д е ж д а. Представь – нет ещё!

И в а н (задумчиво). Ты что-нибудь знаешь?

Н а д е ж д а. Кажется, тебе дадут место исправника...

И в а н (гордо ударив себя в грудь). Я, Коломийцев, полицеймейстер, в исправники? Никогда!

Н а д е ж д а. Ах, папа, какой ты, в сущности, ребёнок!

И в а н. Надежда, – ни за что!

Н а д е ж д а. Милый, гордость – прекрасна, но надо же кушать! И как это вкусно – кушать с гордостью заработанный кусок хлеба...

И в а н. Я всегда так ел мой хлеб!

Н а д е ж д а. И выкормил им твою Надю... Знаешь что? Сделай так, как делали какие-то рыцари, – шаг назад...

И в а н (соображая). В исправники... гм...

Н а д е ж д а. И сразу – два шага вперёд!

И в а н. Два? Два – вперёд?

Н а д е ж д а. Ну, да – два!

И в а н. Это, знаешь, идея! Ого? В наше время, когда энергичный человек – всё, это возможно!

Н а д е ж д а. Не глупо, папка?

И в а н (вздыхая). Д-да! Ты – просто прелесть! Счастливек этот лещ, будь ему неладно!

Н а д е ж д а. Зачем желать ему дурного? Он так старается для тебя.

И в а н (весело). Ну-ну-ну! Ты что – серьёзно влюблена в него?

Н а д е ж д а. Это мой секрет.

И в а н (подмигивая). А ведь он рожа, между нами говоря!

Н а д е ж д а (притворяясь обиженной). Папка!

И в а н. Сазан какой-то, а не мужчина. Скажи, у тебя нет маленького желания наставить ему рога, э?

Н а д е ж д а. Разве можно говорить с дочерью о таких грешных вещах? (Закрывает уши.) Я не хочу слушать.

И в а н (берёт её за руки). А может быть, уже?

Н а д е ж д а. Оставь меня, безнравственный отец мой!

И в а н (хохочет). Нет, ты скажи, сазан с рогами, а?

(Надежда, смеясь, вырывается из его рук.)

А л е к с а н д р (входит, немного выпивший). Здесь смеются? Поражён! Bonjour, rара! (Здравствуй, папа (франц.) – Ред.) Сестрёнка, ручку!

И в а н (любуясь сыном). Ты посмотри, какой бравый молодец!

Н а д е ж д а (становясь рядом с братом). Мы – недурная пара, папа?

И в а н (растроганно). Да, ребята, да! Только вы двое утешаете меня здоровые, весёлые, простые...

Последние. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Н а д е ж д а (брату). Знаешь, отец, наверное, получит место исправника.

И в а н (подмигивая, как о решённом деле). На время... как ступеньку, с которой я шагну куда-то повыше, повыше!..

А л е к с а н д р. Факт, Надя?

Н а д е ж д а. Прокурор обещал мужу.

А л е к с а н д р. Ей-богу, этот Лещ – наш добрый гений!

И в а н. Сазан? Он молодец-рыба!

А л е к с а н д р. Ты, папа, возьми меня в помощники себе.

И в а н. А что ты думаешь? Здоровенная идея!

А л е к с а н д р. Вдвоём мы устроим там рай земной. Миленький этакий городишко, бабёнки, купчишки, и над ними боги и цари – pere et fils! (отец и сын (франц.) – Ред.) Идиллия в прозе!

Н а д е ж д а (качая головой). Представляю, что вы там наделаете!

А л е к с а н д р. Ба! Разве мы хуже других!

Л е щ (идёт). Могу принять участие в вашей беседе?

А л е к с а н д р. Вот – гений дома!

И в а н (пожимая руку Леща). Надежда сказала мне...

Л е щ (недоволен). Ну, разумеется! Она всегда на месте преступления за полчаса до убийства.

Н а д е ж д а (игриво). Пашка!

А л е к с а н д р. Как вы весело острите!

Л е щ (Ивану). Вам надо съездить к товарищу прокурора Лепелетье, поблагодарить его за дело о рассыльном.

И в а н (радостно). Уже? Мой друг, спасибо вам, спасибо!

Н а д е ж д а. Папа, красивая фамилия – Лепелетье?

И в а н (смотрит на неё). Лепелетье? Конечно... (Вдруг догадался о чём-то, смеётся.) Ле... Лепелетье? Ну да... (le peletier (франц.) – скорняк – Ред.)

Л е щ (сухо). Не понимаю причины смеха!

Н а д е ж д а. Не плакать же от радости!

И в а н (сдерживаясь). Я... я рад, дружище! Всё идет прекрасно, и я рад!

Л е щ. Вам, разумеется, надо быть готовым произвести затрату некоторой суммы... Имейте в виду – при поступлении на службу нужно будет рублей семьсот, лучше – тысячу...

И в а н (становясь серьёзным). Ого! Мм... это трудно...

А л е к с а н д р. И двести мне...

В е р а (заглядывая в дверь). Надежда, поди сюда...

Н а д е ж д а. Что тебе нужно?

В е р а. Тебя...

Последние. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Н а д е ж д а. Ну, подожди... Я занята!

И в а н. Надя, походи поговори с нею о Ковалёве! Девчонка не понимает смысла дела...

Н а д е ж д а. Иду. Приятно будет кутнуть на её свадьбе!

Л е щ (настойчиво). Итак – о деньгах!

И в а н (вздыхая). Где их достать?

А л е к с а н д р. Почему не заложить этот дом?

И в а н. Но ведь это дом брата!

Л е щ. Разве для дяди Якова не существует родственных отношений? Сколько я знаю – он не эгоист, и к тому же дни его жизни, как говорится, сочтены...

А л е к с а н д р. Логично!

И в а н. А потом – мы возвратим ему деньги! Ведь я наверняка получаю место?

Л е щ. Разумеется. У вас – имя, хорошее прошлое по службе. Все эти... недоразумения ваши – уже заглаживаются... Но, примите во внимание, нужно держаться твёрдо! Времена анархии проходят, правительство чувствует себя в силе восстановить должный порядок – оно требует от своих агентов крепкой руки...

А л е к с а н д р (солидно). Да, наконец они опомнились там, в Петербурге!

И в а н. Держаться твёрдо? Это я могу! Но вот что, дорогой мой, посоветуйте, что мне делать?

Л е щ. Достать поскорее денег.

И в а н. Гм! Это так, я знаю. А вот ко мне сегодня явится Соколова, мать того...

Л е щ (строго). Зачем?

И в а н. Она, видите ли, хочет, чтобы я заявил, что ошибся... что я не уверен, кто стрелял...

А л е к с а н д р (усмехаясь). Едва ли это будет остроумно!

Л е щ. Что же вы хотите сделать?

И в а н. Да я... гм... я не решил ещё! Я вот думаю – удобно ли мне теперь, в виду назначения на службу, путаться с этой историей, а? Исправник – и вдруг... заявляет: я ошибся! Не произвело бы это дурного впечатления?

Л е щ (уверенно). Разумеется, произведёт!

А л е к с а н д р. Папа, помни о жандармах!

Л е щ. Нет, уж вы сентиментальности бросьте... это ниже действительности. В какое положение вы поставите жандармов? Сообразите-ка!

И в а н (колеблется). Н-да... Полковник – прекрасный человек...

А л е к с а н д р. И твой партнёр в винт...

И в а н. Но – чёрт их знает – этот ли стрелял?

Л е щ. Ведь кто-то стрелял же! А все эти стрелки – друзья между собой. Вообще, я нахожу этот разговор излишним. Главное же, если вы хотите не упустить момент, – достаньте денег. Предупреждаю, что Ковалёв тоже точит зубы на это место.

И в а н (сквозь зубы). Ковалёв? Скотина этакая...

А л е к с а н д р. Требуется быть твёрдым, папа!

И в а н. Какую сцену закатишь мне Софья, если я... Проклятый мальчишка! Уж лучше бы он ранил меня...

Л е щ (кивая головой). Лёгкая рана была бы полезна для вас! Это очень подвигает человека вперёд по службе.

И в а н (кисло улыбаясь). Если не свалит его в могилу!

А л е к с а н д р (глядя на часы). Однако, папа, ты бы шёл к дяде!

И в а н (Лещу). А что, Павел Дмитриевич, вы не поможете мне в этом?

Л е щ. Считаю долгом.

А л е к с а н д р. А я жду и верю в успех! (Ходит, насвистывая, потом, задумавшись, стоит у буфета. Входят Надежда и Вера, обнявшись; они сначала не видят его.)

Н а д е ж д а (уговаривая). Ты просто глупа...

В е р а (досадливо). А ты врешь!

Н а д е ж д а. Не будь грубой, дура! Я желаю тебе добра...

В е р а. Ты говоришь гадости! Ты сама не веришь в это...

Н а д е ж д а (отталкивая её). Я говорю гадости?

В е р а. Я не хочу иметь любовников!

Н а д е ж д а (презрительно). Скажите, пожалуйста! Вот дрянь!

В е р а. Разве ты изменяешь своему мужу?

А л е к с а н д р. А ну-ка, отвечай, Надя?

В е р а. Ты знаешь, Надя говорит, что муж - всё равно кто, - он только для того, чтобы иметь любовников!

Н а д е ж д а. Не верь ей, она ничего не поняла!

А л е к с а н д р. Я ведь слышу: она говорит, точно переводит с французского. Верка, ты должна слушать сестру!..

В е р а. Не хочу! (Быстро убегает.)

Н а д е ж д а. Удивительно своенравная девчонка!

А л е к с а н д р. Славенький чертёнок!

Н а д е ж д а. Глупа... упряма...

А л е к с а н д р. Принесёт ей Ковалёв коробку конфет, безделушку - и всё пойдёт, как по маслу! Скажи, деньги под залог этого дома даёт твой муж?

Н а д е ж д а. Не знаю. Мне хотелось бы иметь этот дом; для всей семьи он тесен, но нам было бы удобно. Муж скоро будет врачом-инспектором, и свой дом - это очень хорошо для престижа.

А л е к с а н д р. После смерти дяди всё будет наше.

Н а д е ж д а. Конечно. Но нас много. Имея закладную, мы с Павлом оставим дом за собой...

А л е к с а н д р. Ловко! Ты умеешь устраиваться.

Последние. Максим Горький gorkiutaхit.ru

Н а д е ж д а. Это всё Павел.

А л е к с а н д р (обнимая её). Не скромничай! Нравишься ты мне!

Н а д е ж д а. Так нравлюсь, что тебе хочется попросить у меня денег?

А л е к с а н д р (усмехаясь). До того, что я готов взять у тебя все деньги!

Н а д е ж д а. Это уже почти страсть! Идём ко мне, я хочу показать тебе одну вещь...

А л е к с а н д р (идя за нею). А подарить мне ничего не хочешь?

Н а д е ж д а. У женщин не просят подарков.

А л е к с а н д р (смеясь). Это предрассудок!

(Уходят. В дверь заглядывает Вера, возбуждённая, машет рукой.)

В е р а (шёпотом). Идите скорее!

(Входит Якорев.)

я к о р е в (недовольный). Что такое?

В е р а (тихо). Вас видел кто-нибудь?

я к о р е в (понижая голос). Прислуга. А что?

В е р а (оглядываясь). В этом доме негде спрятаться... Вот глупый дом! Как жаль, что теперь не лето, – вы могли бы выпрыгнуть в окно!

я к о р е в (изумлён). В окно? Зачем?

В е р а. Так нужно. Слушайте, решено выдать меня замуж за Ковалёва...

я к о р е в (разочарованно). Н-ну? Эх... Поздравляю...

В е р а. Вы должны спасти меня!..

я к о р е в. Спасти? Какое тут спасение!

В е р а (быстро, требовательно). Вы – героический характер, вы должны! Я уже составила план... Вы меня спрячете где-нибудь, потом придёте сюда и скажете им горячую речь... скажете, что они не имеют права распоряжаться судьбою девушки и что вы не позволите насиловать её сердца. Вы не любите меня, но готовы отдать жизнь за мою свободу. Вы скажете им всё, что нужно, уж там догадаются – что! Они тогда заплачут, а вы будете моим другом на всю жизнь, поняли?

я к о р е в (улыбаясь). Они меня – в шею!

В е р а. Я к о р е в, не притворяйтесь грубым!

я к о р е в (соображая). Ковалёв без приданого не возьмёт...

В е р а. Они дают ему за меня пять тысяч.

я к о р е в. Пя-ять тысяч? Однако! Верно?

В е р а. Это не имеет значения!

я к о р е в. Пять-то тысяч не имеют значения?

В е р а. Какое вам дело до них?

я к о р е в (соображая). Мне? Д-да... Ковалёв не уступит вас!

В е р а. Кому?

Я к о р е в. Никому. Пять тысяч не пустяк!

В е р а. Я не понимаю, что вы говорите? Вы согласны с моим планом?

Я к о р е в (думая вслух). Я? Что же... Я ещё молод... ошибусь - успею поправиться...

В е р а. Скорее же!

Я к о р е в (решительно). Рискую, Вера Ивановна!

В е р а. Я знаю вас лучше, чем вы сами, - видите?

Я к о р е в. Действуем! Что я проиграю? Жутко, а - заманчиво! Вера Ивановна, поцелуйте для храбрости!

В е р а. Вот вам моя рука.

Я к о р е в. Рука! Что рука? Вы уж как следует! (Быстро обняв её, целует в губы.)

В е р а (вырываясь). Ай... какой вы! От вас пахнет помадой!

Я к о р е в (смеясь). Это не помада, а бриллиантин на усах.

В е р а (толкая его к двери). Идите, я провожу вас чёрным ходом, чтобы никто не видел. Вот, если бы лето было, вы бы выпрыгнули из окна в сад...

Я к о р е в (за дверью). Зачем же прыгать, я не понимаю?

(Входит Соколова. Прошла на середину комнаты, остановилась, смотрит вокруг. Вбегает Пётр, смущённо кланяется, хватается стул.)

П ё т р. Вы к папе? Пожалуйста, садитесь... я позову его!

(Бежит. Соколова не садится, ходит. Из комнаты Якова появляются Иван и Александр, позднее Пётр.)

И в а н (старается держаться внушительно, руку подать не решился). Моё почтение, сударыня! Дети мои... Александр, Пётр... Вы... э... ничего не имеете против их присутствия?

С о к о л о в а. Это вам надо решить.

И в а н (не сразу). Пётр, уйди, да... Очень нервный мальчик, сударыня, впечатлительная натура... что-с?

(Пётр быстро уходит. Соколова молча смотрит на Ивана.)

П ё т р (за дверями кричит). Мама, мама, иди сюда...

И в а н (тихо, не сдержав досады). А... мальчишка! Шумит! Саша, скажи ему - не надо... (Откашливаясь.) Мне известны, сударыня, мотивы вашего визита... Моя жена сообщила мне вашу просьбу...

С о к о л о в а (спокойно, холодно). Я не прошу, а предлагаю вам исправить вашу ошибку...

И в а н (озадачен её тоном). Да-с... конечно! То есть... Ну, да это всё равно! Но - почему ошибка? Странно! Чем вы докажете, что я ошибаюсь?

С о к о л о в а. Я не буду доказывать.

И в а н. Вы и не можете!

С о к о л о в а (строго). Значит, вы утверждаете, что именно мой сын стрелял?

Последние. Максим Горький gorkiymaxim.ru

И в а н (волнуясь). У него заметная фигура...

С о к о л о в а. Вы видели его однажды только – это было на другой день после покушения, у жандармов. Вы отрицаете это?

И в а н (с пафосом). Сударыня! Не оскорбляйте старика, подозревая его...

С о к о л о в а. Я спрашиваю: вы утверждаете, что стрелял тот юноша, которого вам показали жандармы?

И в а н (бодрясь). Уверен ли? Но если я узнал его...

С о к о л о в а. У вас нет мужества сознаться в своей ошибке?

И в а н (возбуждая себя, кричит). Вы не имеете права говорить со мной в этом тоне, милостивая государыня. Ваш сын революционер, у него нашли...

С о к о л о в а. Вы не отвечаете на вопрос – мой сын стрелял или нет?

И в а н (продолжая кричать). Оставьте меня в покое! Мне дела нет до вашего сына, я тоже имею детей!.. Я повторяю: ваш сын – революционер!

С о к о л о в а (идя). Это не оправдывает вас.

И в а н (следуя за нею). Позвольте! Что вы хотите делать? Что вы сказали?

С о к о л о в а (за дверью). Я сказала: это не оправдывает вас!

И в а н (остановясь, негромко). Перед кем? (Стоит, дёргает себя за усы, тупо глядя в дверь. Входит Софья, за нею Яков, его ведёт под руку Пётр; потом вбегает Вера и являются на шум Александр с надеждой.)

С о ф ь я. Она уже ушла?

И в а н (устало). Это какой-то дьявол! Она меня замучила!

С о ф ь я. Ты отказал ей?

И в а н (мягко). Послушай, Соня...

С о ф ь я (сильно). Ты обещал признать свою ошибку, ты обещал мне это, Иван!

И в а н (успокаиваясь). Да... подожди! Я не могу теперь... моё положение изменилось...

С о ф ь я (в ужасе). Это принесёт нам несчастье! Это принесёт горе нам!..

П ё т р (поражённый). Папа, что ты говоришь? Папа, разве можно так!

И в а н. Пошёл прочь! Яков, ты спокойный и разумный человек...

В е р а. Петя, успокойся...

И в а н (брату). Помоги мне успокоить её, объяснить ей...

Я к о в (слабым голосом). Иван, нужно воротить женщину!

С о ф ь я. Петя, иди! Беги – зови её...

И в а н (с отчаянием). Что вы делаете? Вы губите меня!

Я к о в. Нет... мы... ты подумай...

С о ф ь я. Ради детей, Иван, ради твоей старости!.. Бога ради! Нужно сознаться – иначе это погубит нас...

И в а н (мечется). Я окончательно разбит, меня замучили! Надежда, что мне делать? Саша, говори! Скажи им...

Н а д е ж д а (берёт отца за руку). Спокойнее, папа!

(С другой стороны к нему подходит Вера, она ничего не понимает, смотрит на всех поочерёдно испуганными глазами, вертится.)

А л е к с а н д р. Послушайте, мама...

Я к о в. Иван, тут не о чем говорить...

А л е к с а н д р. Вы не знаете положения дела...

Н а д е ж д а (Александр). Короче говори, а то она придёт, эта...

С о ф ь я (с тоской). Надя...

А л е к с а н д р. Отцу обещано место исправника; если он заявит, что ошибся с этим выстрелом, место может ускользнуть от него. Нужно избежать дурного впечатления и потому...

Я к о в (брезгливо). Довольно! Ты говоришь скверно...

А л е к с а н д р (обиженно). Тише, дядя, тише...

Н а д е ж д а (солидно). Он говорит в интересах семьи!

В е р а (растерянно). Мама, кто придёт? Кого ждут?

С о ф ь я. Молчи...

И в а н. Саша, но если я не удовлетворю эту даму, Яков тогда откажет...

А л е к с а н д р (смущённо). Эх... я позабыл об этом! Вот чертовщина!

Н а д е ж д а (горячо). Я дам денег! Муж даст! (Отцу.) Вы не смеете рисковать, вы не должны – у вас есть обязанности...

А л е к с а н д р. Bravo, Надя!

П ё т р (вбегая). Она уже уехала, я не догнал...

И в а н (облегчённо). Ну, слава богу!

(Яков, опустив голову, сидит на стуле, около него убитая страхом Софья; рядом с нею Пётр, задыхающийся; в углу Любовь, спокойной зрительницей. У стола Александр и Надежда. Иван сел. Вера, стоя сзади, ласково гладит его плечо и смотрит на всех круглыми глазами.)

Н а д е ж д а (негромко и недовольно). Я, кажется, поторопилась выскочить...

И в а н (устало). Вера, дай мне вина. Спасибо, Надя! Вот у меня даже ноги дрожат... Но теперь – кончено...

С о ф ь я (бормочет). Не кончено, нет!

И в а н (раздражаясь). Ну, ты – молчи! Ты меня всадила бы в историю, как я вижу...

Н а д е ж д а (упрекая). Да, мама! Вы ужасно... непрактичны, ужасно!

(Федосья вошла, остановилась у буфета и, качая головой, что-то бормочет.)

С о ф ь я. Яков, что же это?

И в а н. Ну, будет! Я весь дрожу!

Л ю б о в ь (Якову). Уйдём отсюда!

Последние. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru

Я к о в (напрягая силы). Мне стыдно назвать тебя братом, Иван. Мне страшно за твою судьбу, за детей... я боюсь, что они назовут тебя...

Н а д е ж д а (громко). Вы не уполномочены говорить от нашего имени!

И в а н (встаёт). Что ты, брат? Разве я поступил так плохо? Что ты? Ты ошибаешься!

Л ю б о в ь (Якову). Иди! Нет слов, которые разбудили бы совесть этих людей, их мёртвую совесть...

А л е к с а н д р (гримасничая).

А Кассандра, обняв Александра,

Под чинарой сосёт пеперменты...

(Пётр протянул руки к отцу, желая что-то сказать, и тихо опускается на пол в обмороке.)

И в а н (тревожно). Что с тобой? Что с ним?

Л ю б о в ь (спокойно). Вы убьёте и этого мальчика...

С о ф ь я (в страхе). Да! Иван, да! И его - тоже...

Н а д е ж д а (отцу). Это простой обморок, папа! Он бежал, ему нельзя бегать. Уйдите отсюда, вам нужно успокоиться!

А л е к с а н д р (берёт его под руку). Идём, отдохни!

Ф е д о с ь я. Вот - задавили ребёнка...

И в а н. Подожди... Что он?

Я к о в. Уйди... прошу тебя!

И в а н. Конечно - дом твой, и ты имеешь право гнать меня... Но дети мои, я тоже имею право...

Н а д е ж д а. Ах, да иди же!

А л е к с а н д р. Ну, нервы же у всех здесь!

Ф е д о с ь я. Экая склока... экие несуразные...

(Иван, Надежда и Александр уходят.)

И в а н (уходя). Бедный мальчик... Его гоняют за какими-то там...

Я к о в. Вот, Соня, видишь? Ребёнок и подлец...

С о ф ь я (поднимая Петра). Не говорите ничего, ради бога! Помогите мне, Люба... Вера, помогите же...

Ф е д о с ь я. На-ко вот... берегла всех пуще глаза...

Л ю б о в ь. Таких детей надо держать в больницах, а подлецов в тюрьмах...

В е р а (кричит). Не смей так говорить о папе! Он не ребёнок и не подлец! А вот ты - злая кошка!

Я к о в. Вера, голубушка моя...

В е р а (горячо). Ты, дядя, тоже злой! Ты всю жизнь ничего не делал, только деньги проживал, а папа - он командовал людьми, и это очень трудно и опасно: вот, в него даже стреляли за это! Я знаю - вы говорите о нём дурно, - что он развратник и пьяница и всё, но вы его не любите, и это неправда, неправда!

Последние. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru

Развратники и пьяницы не могут управлять людьми, не могут, а папа – мог! Он управлял и ещё будет, – значит, он умный и хороший человек! Никто не позволил бы управлять собою дурному человеку...

Ф е д о с ь я (смеясь). И эта кукует – глядите-ка!

П ё т р (поднимаясь на ноги). Вера, наш отец – дурной человек...

В е р а (с большой силой). Ты – не понимаешь! Он – герой! Он рисковал жизнью, исполняя свой долг! А вы... что вы делаете? Какой долг исполняете? Вы все живёте неизвестно зачем и завидуете отцу, потому что он имеет власть над людьми, а вы ничего не имеете, ничего...

Ф е д о с ь я. Детки мои, детки!.. Охо-хо...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Комната Я к о в а; он полулежит в кресле, ноги укутаны пледом. Ф е д о с ь я, с вязаньем в руках, сидит в глубине комнаты, на фоне ширмы. И в а н, возбуждённый, ходит. В камине тлеют угли, на столе горит лампа. Говорят тихо. В соседней комнате у пианино стоит Л ю б о в ь.

И в а н. Это твоё последнее слово?

Я к о в. Да.

И в а н (искренно). Изумительно жестокий человек ты, Яков! Это ты испортил мне жену, она была мягка, податлива...

Я к о в. Пощади себя! Ты стоишь на позиции унижительной!

Ф е д о с ь я. Вот когда так говорят, дружно, тихонько, так и слушать приятно голоса-то человеческие...

И в а н. Не учи, я старше тебя...

Я к о в. Я сказал, что не могу считать тебя порядочным человеком, а ты просишь у меня денег!

И в а н (почти искренно). Да, ты меня оскорбил, а я прошу у тебя денег! Да, ты был любовником моей жены, а я вот ползаю перед тобой! Не думай, что мне это весело, не думай, что я не хотел бы отомстить тебе, о-о!

Я к о в. Да не говори же ты пошлостей!

И в а н (с пафосом). Но ты болен – это защищает тебя! А я нормальный, здоровый человек, и я – отец! Ты не понимаешь душу отца, как русский не может понять душу жида... то есть – наоборот, конечно! Отец это святая роль, Яков! Отец – начало жизни, так сказать... Сам бог носит великое имя отца! Отец должен жертвовать для своих детей всем – самолюбием, честью, жизнью, и я – жертвую! Исполняя этот долг, я попираю моё самолюбие – иду в исправники... бывший полицеймейстер! Исполняя его, я слушаю оскорбления родного брата, и не я ли подставлял грудь мою пулям злодеев, исполняя великий долг мой!

Ф е д о с ь я. Этот уж закричал... не может потерпеть, у!.. Не глядела бы... (Встаёт и уходит.)

Я к о в. Забудь это... Пойми, несчастный человек, что ты погубил своих детей.. Где Вера?

И в а н. Её найдут! Она воротится, дрянь...

Я к о в. А Петя? Ты ему душу разбил!

И в а н. Это болезненный мальчик, ему нужно лечиться! Его нужно отвести от вас – вот главное! Вы мне испортили его!

Яков (обессилен). Я не могу говорить... до твоей души ничего не доходит.

Иван (снова впадая в высокий стиль). Душа моя одета в панцирь правды, стрелы твоей злобы не коснутся его, нет! Я – твёрд в защите моих прав отца, хранителя устоев жизни! Иван Коломийцев непоколебим, если дело идёт о его праве быть верным самому себе!

Любовь (входит). Прости, отец, я должна вмешаться и кончить эту беседу, тебе вредно волноваться. Иван Данилович, отец уже сказал вам, что он не даст денег, я прибавлю: он не мог бы дать, если бы даже и хотел. Деньги отданы госпоже Соколовой на залог за её сына.

Иван (всплеснув руками). Какая злая ирония! Эх, Яков!

Любовь (с насмешкой). Если бы вы заявили о вашей ошибке, деньги попали бы к вам...

Иван. А место исправника – Ковалёву? Вы напрасно выскочили, Любовь Яковлевна, вы ещё молоды для того, чтобы понять всю сложность жизни и мою мученическую роль в ней!

Любовь. Хорошо, но отцу – вредно...

Иван. А мне полезно слушать ваши дерзости? У меня, должно быть, нет сил убедить тебя, брат! Что же я буду делать? Ты погубишь меня, Яков, если не дашь денег... и меня погубишь, и Софью, и детей...

Любовь (холодно). Дети ваши уже погибли...

Иван. Молчите вы... птица! Яков, судьба моя и всей семьи моей зависит от тысячи двухсот рублей... пусть будет ровно тысяча!.. Ты мягкий, не глупый человек, Яков; сегодня решается вопрос о моём назначении – Лещ поехал дать этому делу решительный толчок... Как только меня назначат, мне сейчас же понадобятся деньги! Я ухожу, оставляя тебя лицом к лицу с твоею совестью, брат мой! (Подняв голову, уходит. Яков со страхом смотрит ему вслед, Любовь усмехается.)

Яков (тоже слабо усмехаясь). Кошмар какой-то, а не человек! Ты видишь – он ужасно нравится себе! В молодости он играл на любительской сцене, и – смотри, в нём ещё не исчез актёр на роли героев... (Помолчав.) Он заставит меня дать ему эти деньги!

Любовь (глухо). Я не могу себе представить человека вреднее, противнее, чем этот...

Яков (беспокойно). Люба, дорогая моя, как ты резко... зачем?

Любовь (тихо и холодно). Скажи – что мне делать?

Яков (не сразу). Я не умею ответить тебе... Всё это случилось так вдруг и раздавило меня. Я жил один, точно крот, с моей тоской и любовью к маме... Есть люди, которые обречены судьбою любить всю жизнь одну женщину... как есть люди, которые всю жизнь пишут одну книгу...

Любовь. И напишут плохо...

Яков (искренно и просто). Да! Желая скрыть своё ничтожество, они прячутся в ничтожный труд и обольщают себя сомнительным утешением: я весь в одном!

Любовь (задумчиво). Ты искренен... но это лишнее...

Яков (тихо). Тебе не жаль меня?

Любовь (тихо двигаясь по комнате). Мне горько и обидно, что я ничего не могу делать! Я хотела бы вытащить отсюда Веру и Петра, но я не знаю – как? Не умею...

Яков. В тебе есть что-то страшно холодное!

Л ю б о в ь. Вероятно, злорада на своё бессилие... (Помолчал.) Зачем ты отдал меня в эту яму пошлости и грязи?

Я к о в. Не спрашивай меня! Ты знаешь, Соня не хотела признаться, что ты моя дочь...

Л ю б о в ь (усмехаясь). Однако вы, отцы и матери, ужасно легко и просто играете детьми.

Я к о в. Не будь жестокой...

Л ю б о в ь (холодно). Да... это бесполезно!

С о ф ь я (входит, убитая). Я не нашла её... ничего не узнала...

Я к о в. Какая ты бледная, страшная...

С о ф ь я (думая о другом). Там Якорев пришёл. Сегодня он почему-то груб и дерзок.

Л ю б о в ь. Мне кажется, он должен знать что-нибудь в этой истории с Верой...

С о ф ь я. Что будет с нею? Это бог мстит мне за тебя, любовь...

Л ю б о в ь. Глупости, мама! Какое дело богу, природе, солнцу – до нас? Мы лежим на дороге людей, как обломки какого-то старого, тяжёлого здания, может быть – тюрьмы... мы валяемся в пыли разрушения и мешаем людям идти... нас задевают ногами, мы бессмысленно испытываем боль... иногда, запнувшись за нас, кто-нибудь падает, ломая себе кости...

Я к о в (тихо). Не говори так безнадежно!

С о ф ь я (стонет). Где она может быть, Вера?

Я к о в. Надежда тоже ищет?

С о ф ь я. И Александр и зять... Какой скандал!

Л ю б о в ь. Это хуже, чем скандал, мама!

С о ф ь я. Я знаю, знаю... Я ведь говорила: нас постигнет несчастье...

(Шумно идёт Иван, он тащит за руку Якорева. Околоточный смотрит исподлобья, но спокоен.)

И в а н (с яростью). Поздравьте – это мой новый зять! Каков мерзавец, а?

Я к о р е в. Вы не ругайтесь!

И в а н. Да я тебе рожу разобью!

С о ф ь я. Вы... Вера у вас?!

Я к о р е в. Я знаю, где она...

И в а н (грозно). Сейчас же подай её сюда, прохвост!

С о ф ь я (умоляя). Отдайте её... У вас ничего нет, её ждёт нищенская жизнь, она ведь ничего не умеет делать... вам нужно не такую жену...

Я к о р е в (опуская голову). Но она уже... мы женились...

С о ф ь я (падая на стул). Да?

И в а н (хватая Якорева). Ты лжешь! Ты не сказал мне этого... Она не могла, не смела...

Я к о р е в. Не трогайте меня... дайте сказать...

Я к о в. Оставь, Иван!

Л ю б о в ь. Горячиться поздно. (Якореву.) Вы - её муж? Правда?

(Якорев молча опускает голову.)

И в а н (кричит). Он лжёт! С лица земли сотру...

Я к о р е в. Дайте объясниться...

Я к о в. Пусть он расскажет...

И в а н. Говори, собака!

Я к о р е в. Если вам дорога ваша дочь, не обращайтесь со мною грубо...

И в а н. Ты мне грозишь... Мне?

Я к о р е в. Вера Ивановна сама предложила мне увезти её...

И в а н. Лжёшь!

Я к о р е в. А теперь послала сказать вам, что если уж случилось это надо уступить её желанию. Вы обещали дать за нею Ковалёву пять тысяч, - мы с вас возьмём четыре... А когда вы будете исправником, то возьмёте меня к себе в уезд приставом...

И в а н (неопределённо). Ах, бестия! каково?

С о ф ь я. О, боже мой!

Я к о в (торопливо, заикаясь). Надо уступить им! Это разумнее твоего плана, Иван, видишь? Я дам денег, и всё будет хорошо! Если они любят друг друга - не ломайте их любви! Нужно охранять любовь... это хрупкий цветок, редкий цветок... и только раз в жизни цветёт он, только раз!

Л ю б о в ь (холодно). Перестань! Тебе вредно... Пора брать ванну, идём!

Я к о в. Нет, подожди...

Л ю б о в ь (помогая ему встать). Пора! И тебе не следует вмешиваться в это дело - пойми, здесь бесполезно всё, а тем более твоя лирика... (Уводит его через дверь в углу.)

И в а н (Якореву, удивлённо). Но как ты смел? как ты решился?

Я к о р е в (скромно). Если мне выпадает хороший случай, я должен им воспользоваться...

И в а н. Случай! Софья, а? Наша дочь только случай для околоточного!

(Софья неподвижно смотрит перед собою, пальцы её рук дрожат и щиплют платье.)

Я к о р е в (философски). Я начинаю околоточным, кто знает, чем я кончу?

И в а н. Острогом! Каторгой, скотина!

Я к о р е в. Иван Данилович, не кричите! Ведь я всё-таки теперь родня вам... (Видит Веру; она быстро и бесшумно идёт к отцу.) Вы! Зачем же вы...

И в а н (рычит). Позор мой... прочь!

В е р а. Папа!

И в а н. Убью!

С о ф ь я (не вставая). Вера... (Протягивает к ней руки.)

В е р а (твёрдо). Папа, я глупая девчонка, я получила за это жестокий урок. Не одна я виновата в том, что глупа...

И в а н. Ага, Софья! Вот, слышала? Она понимает, кто виноват!.. Продолжай, ну...

С о ф ь я (тихо). Вера, зачем ты сделала это?

В е р а. Якорев, вы уходите... идите в гостиную!

я к о р е в (покорно идёт). Хорошо... Только я не понимаю, что вы делаете?

И в а н. Она командует! Да понимаешь ли ты, что опозорила меня?

В е р а. Папа, я согласна выйти замуж за Ковалёва, слышишь?!

И в а н. Теперь? Да разве порядочный человек возьмёт тебя теперь?

В е р а (ласково, с горечью). Но, папа, ведь Ковалёв мерзавец, ты говорил!

И в а н. А ты – распутная!

С о ф ь я (встаёт, с угрозой). Молчи!

И в а н. Так? Ну и делайте, что хотите!

В е р а. Ты, папа, тоже будешь делать, что я хочу!

И в а н (прислушиваясь). Я?

В е р а. Ты сегодня же пригласишь Ковалёва, всё остальное – моё дело!

И в а н (подозрительно). А где приданое? Где ты возьмёшь пять тысяч, а?

В е р а. Это не нужно...

И в а н. Не нужно? Гм...

В е р а. Ковалёв богат. Ему нужна я, а не деньги... Денег он сам наворует...

И в а н (искренно, с ужасом). Как говорит эта девчонка!

С о ф ь я. Оставь нас на минуту...

И в а н (идёт, рад уйти). Да, я уйду... Я готов бежать от вас на край света, безумные люди! (Уходит.)

В е р а (смотрит на мать и говорит растерянно, грустно). Вот, мама, что со мной случилось... (Софья молча обнимает её.)

С о ф ь я. Дитя моё! Неужели ты его любишь?

В е р а (усмехаясь). Это такой маленький, жалкий трусишка.

С о ф ь я. Но как же ты могла?..

В е р а (пожимая плечами). Так... Дурной сон! Я думала – всё это выйдет иначе. Разве нет честных мужчин, мама? (Вздвигнув, она тихо плачет, смотрит на своё отражение в зеркале и говорит сквозь слёзы.) Бедная Верка, нос у тебя красный, лицо жалкое, и вся ты – как побитая собачонка... Мама, иди и пошли мне моего героя! Героя, мама! И не говори мне ничего, прошу тебя. Потому что ты ведь тоже виновата не меньше меня в этой истории, да, мама... И за эти три дня я уже наговорила сама себе таких вещей, что никто мне не скажет ни хуже, ни больше... Я вдруг стала маленькой старушкой, сердце у меня задохнулось... Это на всю жизнь, мама! Ведь сердце умирает сразу, с первого удара! (Смотрит на мать и говорит беззлобно, но жёстко.) Я буду холодная и злая, как Любовь... Ах, господи, я тоже буду с радостью мучить людей, только попадись мне кто-нибудь!

Последние. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru

Такая дрянь эти люди, мама, такая жалкая дрянь! Иди, зови его!

(Софья уходит, Вера остаётся одна, схватывается руками за голову и несколько секунд смотрит в пространство широко открытыми глазами, губы у неё шевелятся. Слышит шаги Якорёва, оправляет волосы, лицо её становится спокойно, деловито.)

Я к о р е в (укоризненно). Что же это вы делаете? Начали вполне серьёзно и – вдруг – явились сюда! Вы должны были, как условлено, сидеть и ждать, когда я добьюсь согласия на брак, и я уже почти добился... а теперь – я даже не понимаю...

В е р а (спокойно). Я раздумала. Решила выйти за Ковалёва.

Я к о р е в (не сразу, зло). Правда?

В е р а. Да.

Я к о р е в. Ну, это вам не удастся!

В е р а (сдерживая задор). Почему?

Я к о р е в. Я не позволю!

В е р а (задорно). О! Неужели? Серьёзно?

Я к о р е в. Как нельзя более... Только попробуйте!

В е р а. И – что же?

Я к о р е в. Немедленно ославлю на весь город. Вы понимаете? Не то что Ковалёв – лакей из трактира не возьмёт вас! Я шутить с собой не позволю... я не женщина...

В е р а (улыбаясь). Вы меня так испугали, что я когда-нибудь умру...

Я к о р е в (возмущён). Вы не шутите! Какое безобразие! Сама же затеяла всю историю, а потом...

В е р а (спокойно). А когда увидела, что вы мелкий трус, воришка и взяточник...

Я к о р е в (яростно). За эти слова я тебя заставлю много плакать...

В е р а (строго). Молчать, хам!

Я к о р е в (вздвогнув, вытянулся и изумлённо осмотрелся, как будто поискал, где спрятано начальство,, затем с угрозой). Хорошо!

В е р а (подходя к нему). Послушай, околоточный: той девушки, которая ночевала у тебя две ночи и одну из них – против воли своей – с тобой, этой девушки больше нет.

Я к о р е в (предчувствуя что-то опасное для себя, бормочет). Конечно...

В е р а. Ты поймёшь это не сейчас. Глупая девчонка умерла, и родилась женщина, которой нечего бояться, некого жалеть. Ты хочешь опозорить меня, но ведь ты уже лишил меня стыда, и позор мне не страшен. Что такое позор? Это когда будут говорить, что я жила с тобой? (Смеётся сухим смехом.) Пусть скажут. Я сама это знаю! Ну, что же? Теперь вот я буду жить с Ковалёвым, по закону, но не желая этого, как не хотела жить с тобой... не всё ли мне равно? Ты хочешь этому помешать? Ты, сделав меня бесстыдной, думаешь испугать меня? Чем же? Тем, что расскажешь об этом людям. А какое мне дело до людей? Ты, такой ничтожный, ничего не можешь сделать... Не всякий подлец вреден, иной только жалок... Ступай вон!

Я к о р е в (слушает её сначала со злой усмешкой, но слова её звучат всё тише и крепче, они пугают его, наконец он говорит, смущённо пожимая плечами). Вы однако... вы забыли, что первая начали дело...

В е р а (спокойно). Ступай вон, я говорю!

Я к о р е в (огорчённо). Если бы я знал, что вы такая...

В е р а. То... что?

Я к о р е в (соображая). Не связывался бы... Вы, в сущности, обманули меня... Повредить мне для вас не легко, я это понимаю. Отец и брат – оба в полиции... да если ещё муж... конечно, меня загрызут... Я готов дать вам честное слово...

В е р а (кричит). Уйди прочь!

(Он быстро уходит. Софья бежит, Вера бросается встречу ей.)

С о ф ь я (испуганно). Что ты кричишь? Он был груб с тобой?

В е р а (задыхаясь от возбуждения). Он вёл себя, как рыцарь, мама! Я сказала ему: дорогой мой, я тебя люблю...

С о ф ь я. Ты говорила – не любишь...

В е р а. Подожди, мама!.. На пути нашем к счастью сказала я, неодолимые препятствия... Я всё уничтожу или умру, ответил подлец... то есть – герой, мама! Мы говорили долго, красиво, и оба плакали от восторга друг перед другом, две чистые, две пылкие души.

Звёзды ясные, звёзды прекрасные

Нашептали цветам сказки чудные...

и обманули одну маленькую девочку... Но, говоря о любви, мама, он употребляет слишком много вводных предложений... это всегда противно, и я сказала ему уйди прочь!

С о ф ь я. Родная моя, дитя моё...

В е р а. Нет, я закричала, потому что мне сделалось больно, нестерпимо больно! Моя милая мама как это всё случилось? Ведь я шутила, играла, скажи мне, разве нельзя шутить, нельзя верить в хорошее?

С о ф ь я. Что я тебе скажу?

В е р а (помолчав, серьёзно). Я никогда не решусь иметь детей, это страшно!.. Я тоже не понимаю ничего не понимаю и не могла бы сказать им ничего...

(В столовой голоса Надежды и Александра.)

В е р а. Брат и сестра идут... спрячь меня! Они меня тоже искали? Не пускай их ко мне... не нужно!

(Софья уводит её через дверь в углу.)

В е р а (на ходу) Мама, ты тоже верила в хорошее когда была девушкой?

С о ф ь я. Тоже...

В е р а. А может быть, все герои – лгуны?..

(В столовой раздаются голоса.)

А л е к с а н д р. Я надаю ей пощёчин!

Н а д е ж д а. Ах, дура, дура...

И в а н. Но каково это отцу!

Н а д е ж д а (заглядывая в комнату Якова). Здесь нет её.

И в а н. Удар за ударом падает на мою голову!

А л е к с а н д р. Надо скорее выдать её за Ковалёва!

Н а д е ж д а. Ну конечно...

И в а н. Да, если он её возьмёт!

Н а д е ж д а. Не беспокойся, возьмёт!

(Голоса стихают, видимо, перешли в гостиную. Идёт Пётр, бледный, на лице пьяная улыбка, садится в кресло, закрывает глаза. Из маленькой двери выходит Софья; она наливает в стакан воды из графина на столике у кровати Якова.)

П ё т р. Опять кто-нибудь плачет?

С о ф ь я. Ты пришёл? Где ты был?

П ё т р. Кто это плачет?

С о ф ь я. Вера...

П ё т р. А, она вернулась...

С о ф ь я (подходя к нему). Да.

П ё т р (усмехаясь). Отсюда не уйдёшь... не-ет! И пробовать не стоит...

С о ф ь я (тихо). Петя, ты выпил?

П ё т р. Чуть-чуть, мама! Совсем немножко...

С о ф ь я. Зачем? Ведь это для тебя самоубийство!

П ё т р. Самоубийство – глупость! Ужасно дрянно, когда люди моих лет стреляются.

С о ф ь я. Господи! Как страшно ты говоришь! И – где ты был?

П ё т р (усмехаясь). У Кирилла Александровича. Но я больше не пойду к нему и вообще в ту сторону. Там – строго! Там от человека требуют такую массу разных вещей: понимания жизни, уважения к людям и прочее, а я... как пустой чемодан. Меня по ошибке взяли в дорогу, забыв наполнить необходимыми для путешествия вещами...

С о ф ь я. Тебя там и напоили?

П ё т р. Боже сохрани! Там пьют чай с философией и всякими другими премудростями, но... даже варенья не дают! Нет, я зашёл в трактир. Вот это хорошо!

С о ф ь я. Иди к себе и ляг...

П ё т р (задумчиво). И лежать... А вместе с тобой ляжет такая холодная, тяжёлая тоска... Какие средства ты знаешь против тоски?

С о ф ь я. Я ничего не знаю. Я боюсь говорить. Если бы все мы лгали это было бы лучше...

П ё т р. Молчать – лгать, говорить – лгать... Ну, иди, отирай слёзы... Неси воду... Это –Вере?

С о ф ь я (идёт). Да... Я позабыла...

(В двери сталкивается с Любовью и Яковым.)

Л ю б о в ь (Якову). Теперь – легче?

Я к о в (хрипло). Да... немного...

Л ю б о в ь. Очевидно, что ванны вредны тебе...

Я к о в. Пожалуй, так... Но Лещ этот...

Л ю б о в ь. Я приглашу другого доктора...

Я к о в. Неудобно... Лещ обидится...

П ё т р (вставая). Извиняюсь... я занял ваш трон!

Я к о в (усмехаясь). Сиди, сиди. Я лягу на постель... мне и сидеть трудно!

П ё т р (Любови). Ты видела Веру?

Л ю б о в ь (устраивая Якова). Пришла?

Я к о в. Ну, что? Как она?

П ё т р. Я не видел.

Л ю б о в ь (Петру). Побудь здесь, я пойду к ней... (Уходит.)

Я к о в. Нестерпимо жалко бедную девочку...

П ё т р. Разве человеку легче, если ты польёшь уксусу на рану его?

Я к о в (удивлённо). Ты точно Люба...

П ё т р. Люба? Она всегда видит больше других и оттого такая злая... О, вот идут люди разума...

Я к о в (с гримасой). Они станут кричать здесь, эх...

Н а д е ж д а (входит). Вы куда это спрятали Веру?

А л е к с а н д р. Как глупо!

П ё т р. Она с мамой...

Н а д е ж д а (присматриваясь). Ты что такой трёпанный? (Уходит в маленькую дверь.)

А л е к с а н д р. Как вы чувствуете себя, mon oncle?

Я к о в. Неважно... неважно...

А л е к с а н д р. Сердце? hélas... (Увы (франц.) – Ред.) Закурим...

Я к о в. Я бы попросил тебя...

А л е к с а н д р. Ах, pardon! При сердце табак вреден, а также вино, женщины и всё остальное!

П ё т р. Какой он остроумный, дядя!

Я к о в (грустно). Да...

А л е к с а н д р. А ты зачем здесь?

П ё т р. Дядя, один гимназист – ужасный комик – однажды сказал:

Чтобы не повредить покою своему,

Не спрашивай людей – зачем и почему...

А л е к с а н д р. Му-му-му – какие-то телячьи стихи!

Н а д е ж д а (выскакивает, возмущённая). Любовь просто обезумела от злости!

А л е к с а н д р (закуривая). Что ещё?

Н а д е ж д а. Дядя, вы имеете на неё влияние, вы должны укротить её, она развращает Веру...

Я к о в (волнуясь). Развращает? Люба...

Н а д е ж д а. Что за идеи у неё!

Я к о в (Александр). Я вас просил не курить здесь...

А л е к с а н д р. О, pardon!

Я к о в (слабо). Я не могу спорить, Надя, - мне худо... Но говорить так о Любе... прошу... не надо...

Н а д е ж д а. Она внушает Верке мерзости!

И в а н (идёт). Гм... а Леща всё нет...

(Маленькая дверь с шумом растворяется, выскакивает Вера, за нею идут Софья и Любовь.)

В е р а (горячо, с тоскою). Вы обе - и ты и мама - ошибаетесь! Папа, ты честный, хороший человек!

И в а н (торжественно). Несчастливая! Тебе ли сомневаться в этом?

П ё т р (грустно усмехаясь). Эх, Верка...

В е р а. Папа, не говори так... с жестами! Пусть я дурная, пусть грязная, но ведь я - дочь тебе, я кровь твоя!

И в а н. О, да, к несчастью...

П ё т р. Какой прекрасный комик пропадает!

В е р а. Папа, скажи мне, отвечай!

Я к о в (его не слышат). Уйдите... здесь не место...

И в а н (отталкивая Веру). Ты не имеешь права спрашивать меня!

В е р а. Не имею?

И в а н (идя к Петру). Ты что сказал?

А л е к с а н д р (удерживая его). Стой, отец, я надеру ему уши.

С о ф ь я (спокойно). Не смей!

П ё т р (выступая из-за её плеча). Хочешь драться, полицейский?

И в а н. Вот! Вот, Надя...

В е р а (с отчаянием). Папа, я тебя прошу...

П ё т р (бледный, трясётся). Отец, она имеет право требовать у тебя ответа, она не знает - кто ты? Мы оба спрашиваем, - впрочем, я не буду, но ей, чтобы жить, нужно знать - честный ли человек её отец?

И в а н (поражён). Что? Что?

Н а д е ж д а. Петька, замолчи!

С о ф ь я (тихо, внушительно). Пусть они говорят!

П ё т р. Я думаю, отец, что нечестные люди, больные - вообще, нехорошие люди -

Последние. Максим Горький gorkiymaxim.ru
не имеют права родить детей...

А л е к с а н д р (усмехаясь). Вот осёл! Разве это делается по праву?

П ё т р (пьянея от возбуждения). Отец, я так думаю! Разве дети для того, чтобы стыдиться своих отцов? Разве они для того, чтобы оправдывать и защищать всё, что сделано их родителями? Мы хотим знать, что вы делаете, мы должны понимать это, на нас ложатся ваши ошибки!

И в а н. Что он говорит? Продолжай, дрянь...

П ё т р. Ты дал мне жизнь, ты воспитал меня – почему же я дрянь? Я твоя кровь, отец!

В е р а (жалобно). Петя, молчи!

Я к о в (тихо). Люба! Скажи им, что я не могу... (Любовь не слышит его.)

П ё т р. Отец, ты честный человек?

В е р а (требует). Мама, проси его, чтобы он ответил, проси!

И в а н (растерянно). Послушай, скверное животное...

П ё т р. Вот, Вера, слушай!

И в а н (впадая в обычный, фальшивый тон пафоса). Слушай и ты, развратная девчонка...

С о ф ь я. Молчи, Иван, не губи себя до конца! (Вдруг опускается на колени.) Простите меня!

Н а д е ж д а. Что за комедия? Мама, стыдитесь!

И в а н. Ф-фу, чёрт возьми!..

С о ф ь я. Я могу только это. Простите меня, дети, за то, что я родила вас, – вот что я могу сказать...

Л ю б о в ь (бросаясь к ней). Встань, мама, это бесполезно!

С о ф ь я (мужу). Проси у них прощения, это всё хорошее, что мы можем сделать...

И в а н. Ты... ты понимаешь, что ты делаешь? (Бежит из комнаты и орёт.) Вы меня хотите с ума свести!

Н а д е ж д а (матери). Вы убиваете уважение к себе!

П ё т р (грустно). Мама, вот это и есть – трагический балаган!

В е р а (горячо). Она – искренно!

П ё т р. Не всё ли равно?

Я к о в (тихо). Люба... Соня... (Он делает попытку встать, опрокидывается, хрипит, и рот у него открывается, точно для крика.)

С о ф ь я. Я виновата перед вами, перед всеми, перед каждым! Что с вами будет?

П ё т р (увидел лицо дяди, вздрогнул, подошёл к нему и, посмотрев, торжественно говорит). Дядя Яков – умер...

(Все на момент оцепенели, молчат, потом медленно, осторожно подходят к мёртвому.)

Л ю б о в ь (тихо). Только так можно уйти из этого дома... Одна дорога...

П ё т р. Другая – смерть души...

С о ф ь я (подавленно). Это мы его убили...

В е р а (смотрит на всех). Почему я не боюсь?..

Н а д е ж д а (уходит). А мужа дома нет... ах, боже мой!

И в а н (в столовой). Ага-а! Теперь я буду говорить иначе! Да, теперь...

Л ю б о в ь. Скажите им, чтобы не кричали...

(Никто не идёт.)

И в а н (при входе встречает Надежду). Эй, вы! Я назначен... что? (Входит в комнату Якова.) Умер... (Вытягиваясь на носках, смотрит в лицо брата через головы Софьи и детей.) Умер... Как же это? Надо доктора! Позовите Леща, он пришёл...

Л е щ (входит). Почему же нет радости, так естественной в этом случае?

Н а д е ж д а (тихо). Шш! Дядя умер...

Л е щ. Н-но? (Подходит, берёт руку Якова.) Н-да... Этого, разумеется, нужно было ждать каждый час... но всё же смерть никогда не является в пору... гм...

(Все молчат, как будто ждут чего-то. Александр вошёл, понял, что случилось, и лицо у него стало довольное. Иван тревожно оглядывается, переминаясь с ноги на ногу, покашливает тихонько, на минуту закрыл глаза и начинает говорить сначала мягко, почти искренно, потом снова впадает в фальшивый, напыщенный тон.)

И в а н. Дети, друзья мои! Здесь, окружая дорогое нам тело умершего, пред лицом вечной тайны, которая скрыла от нас навсегда – навсегда... э-э... и принимая во внимание всепримиряющее значение её... я говорю о смерти, отбросим наши распри, ссоры, обнимемся, родные, и всё забудем! Мы жертвы этого ужасного времени, дух его всё отравляет, всё разрушает... Нам нужно всё забыть и помнить только, что семья – оплот, да...

(Пётр осторожно и бесшумно закрывает ширмами постель дяди и печально смотрит на отца.)

Ф е д о с ь я (идёт и бормочет). Скончался, тихий...

И в а н. Семья – вот наша крепость, наша защита от всех врагов...

С о ф ь я (тихо). Перестань...

(Иван надулся, готовый крикнуть, но оглянул всех и, гордо подняв голову, уходит, громко топая ногами. За ним выходят Лещ, Надежда, Александр. Остальные окружают мертвеца. Вера сжалась в комочек и беззвучно плачет. Пётр слепыми глазами смотрит на мать. Любовь смотрит сурово и неподвижно. Софья блуждающими глазами осматривает детей, как бы молча спрашивая их.)

Ф е д о с ь я (за ширмами). Царица небесная, прими раба твоего жалкого...

П ё т р (глухо). Если бы я веровал в бога – ушёл бы монастырь...

С о ф ь я. Господи! Великий господи! Такая страшная жизнь и смерть в конце её... за что?

Л ю б о в ь (как в бреду). Жизнь и смерть – две подруги верные, две сестры родные, мама.

С о ф ь я. Я не знаю... ничего не знаю...

П ё т р. В чём я виноват? И Вера? Все мы?

Л ю б о в ь. Смерть покорно служит делу жизни... Слабое, ненужное гибнет...

Последние. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Ф е д о с ь я (бормочет).

Занавес

1907-1908 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!